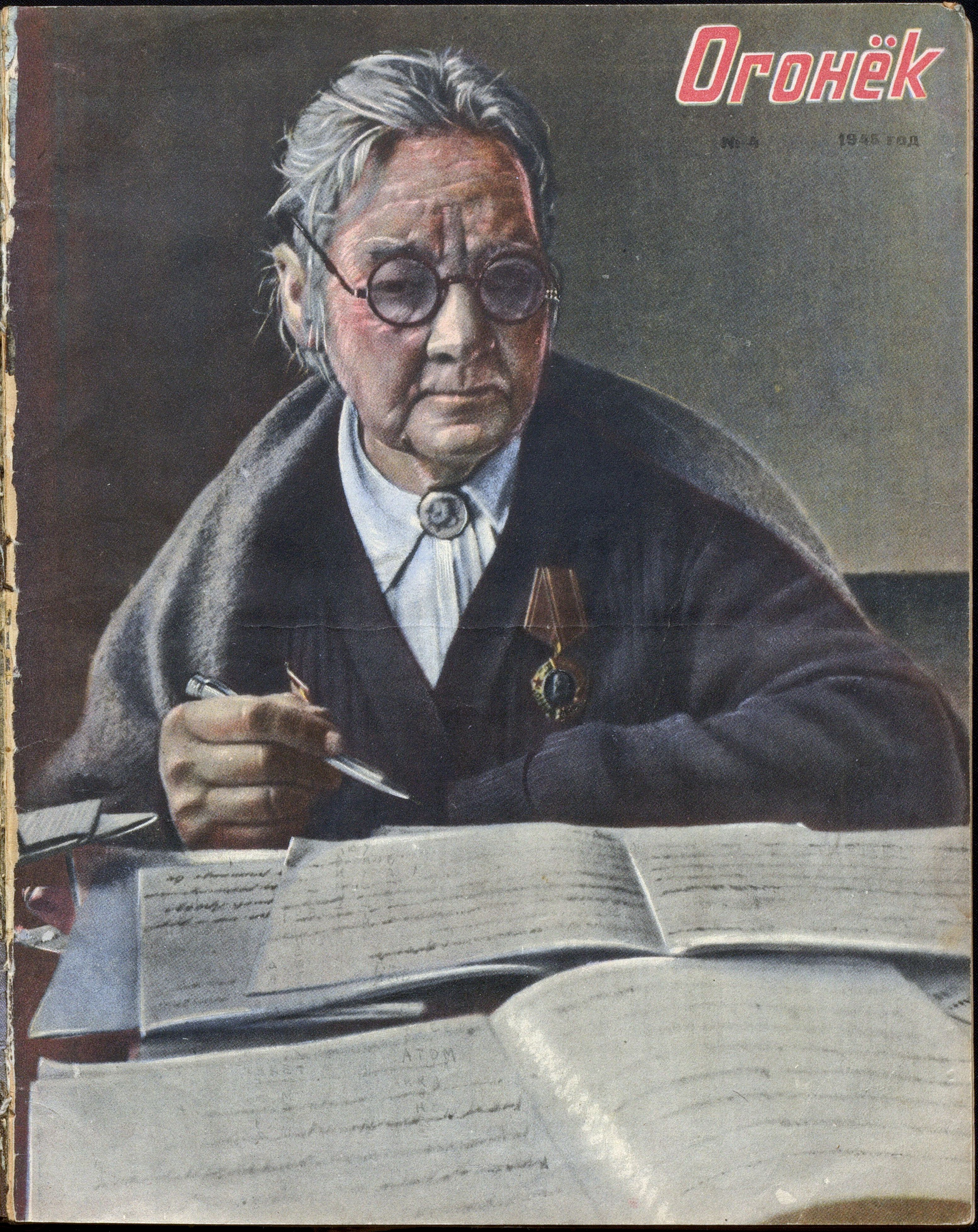

Огонёк
№ 4
1945 год
АТОМ

В КАРПАТАХ. Фото С. Осипова

На обложке: учительница 135-й московской школы Мария Васильевна Малютина, награждённая орденом Ленина. Фото С. Фридлянда.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

23-й ГОД ИЗДАНИЯ

Огонёк

№ 4 (922—923)

Среда, 31 января 1945 года

СИЯЮЩИЕ ВЕХИ ПОБЕД

Прошло три недели с начала великого зимнего наступления Красной Армии. Почти ежедневно столица Советского Союза Москва озарялась многократными салютами в честь наших доблестных войск, одерживающих величественные и славные победы над гитлеровскими захватчиками.

К концу января советские войска почти завершили освобождение территории Польской республики. 29 января в руках противника оставались незначительные остатки польской территории к западу от Познани, в Поморском воеводстве («Польский коридор») и Краковском воеводстве. Советские войска пересекли восточную границу Германии и вторглись в Померанию и Бранденбург. Немецкие гарнизоны в Торуне и Познани были окружены и уничтожались.

В Восточной Пруссии советские войска одержали выдающуюся победу: они прорвались с юга к побережью Данцигской бухты и отрезали группировку противника от центральных районов Германии, прорвали мощные немецкие укрепления в районе Мазурских озёр. От всей Восточной Пруссии в руках противника ещё оставалась едва ли одна пятая часть. Завязались бои за Кенигсберг и Эльбинг.

В немецкой Силезии советские войска вышли к реке Одер на широком фронте, подошли к главному городу Силезии—Бреславлю, заняли основные и самые важные центры силезского промышленного района — Глейвиц, Гинденбург, Беутен — и очистили от немецких захватчиков Польскую Силезию и Домбровский угольный район. Заняты города Катовицы, Сосновец, Явожно, Хжанов, Николов, Крулевска Гута, Миколув и др. Советские воины захватили также город Освенцим, возле которого, как известно, гитлеровцы создали один из наиболее чудовищных «лагерей смерти».

Командующий войсками 1-го Прибалтийского фронта генерал армии И. Х. Баграмян.

Литовский город Клайпеда (Мемель) освобождён доблестными войсками 1-го Прибалтийского фронта. Завершено освобождение территории Литовской Социалистической Республики.

Важных успехов добились наши войска на территории Чехословакии.

(См. в номере «Дневник войны»).

ПРОСЛАВЛЕННЫЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

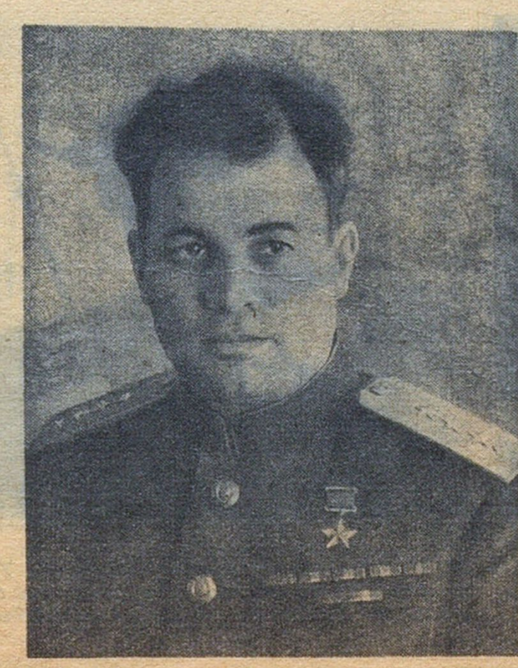
Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев.

Командующий войсками 2-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

Командующий войсками 2-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

Командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал армии И. Д. Черняховский.

Командующий войсками 4-го Украинского фронта генерал армии И. Е. Петров.

ДЕЛА И ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Снайпер Пётр Головин — в прошлом донецкий шахтёр. За время войны он истребил 460 немецких солдат и офицеров. Награждён орденами Ленина, Красной звезды, Славы II и III степеней и медалью «За отвагу».

Кавалер ордена Славы всех степеней гвардии младший лейтенант Порфирий Кариков. Он захватил в плен 26 гитлеровцев, из них — 3 офицера.

В Восточной Пруссии сражается Александр Космодемьянский—брат Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. На счету отважного гвардейца 5 уничтоженных вражеских танков.

Степан Ефимович Бабин и два его сына Иван и Владимир сражаются вместе на 1-м Украинском фронте. Они работают рядом у гаубицы: отец — заряжающим, старший сын Иван — наводчиком и младший Владимир — замковым. Артиллеристы Бабины участвовали в освобождении родной Украины и теперь уничтожают врага на его же земле.

Лучшая доярка колхоза «Красный горняк» (Скопинский район, Московской области). Евдокия Наседкина. Колхоз выполнил план развития животноводства на 180%.

М. Н. Глуходед — знатный стахановец Урала, участник строительства трёх доменных печей в Нижнем Тагиле. Награждён орденом Ленина.

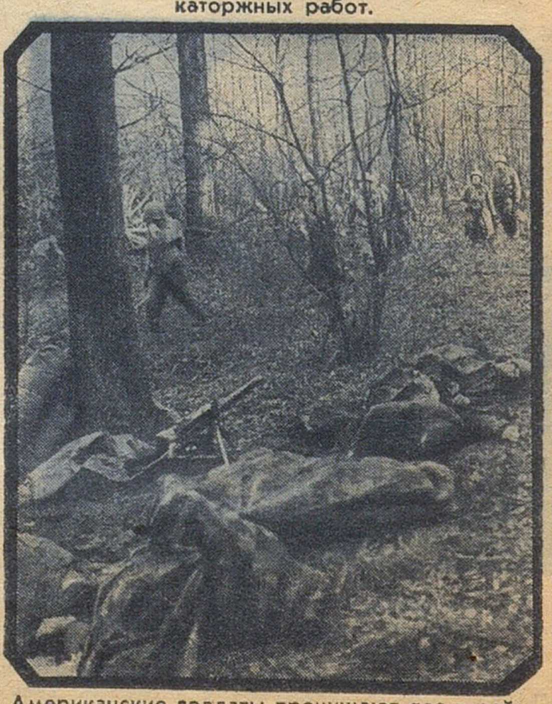
ЗА РУБЕЖОМ

Французский стрелок, забравшись на верхний этаж полуразрушенного дома, ведёт огонь по немцам.

В городе Ренн (Франция) состоялся суд над агентом гестапо. Предатель осуждён на 15 лет каторжных работ.

Американские солдаты прочищают лес в районе боёв.

ВАЛЕРИАН КУЙБЫШЕВ

Е. В. Куйбышева

Когда Валериану Владимировичу Куйбышеву было четырнадцать лет, он выполнил первое задание партии: разбросал прокламации среди солдат воинской команды.

Это была не детская забава, не игра четырнадцатилетнего мальчика. Это был поступок вполне обдуманный. Разбрасывая прокламации, Валериан знал их значение, их содержание.

Шестнадцати лет он, уже член РСДРП, выступает на рабочих собраниях омских железнодорожников.

Не только среди рабочей молодёжи завоёвывает Валериан авторитет и любовь. Его любят и старые рабочие. Они внимательно прислушиваются к его словам, слушают и поражаются, как много знания и искренности у этого юноши — почти ребёнка.

Окончив в 1905 году кадетский корпус, Валериан отказался идти в военное училище. Он поехал в Петербург и поступил в Военно-медицинскую академию.

Отказ от военного училища очень огорчил родителей Валериана, которые ждали, что их сын будет знаменитым полководцем.

Валериан ещё в раннем детстве стал увлекаться военными играми: изображал Суворова, путешествовал со своим «войском» по воображаемым Альпам и по книгам изучал стратегию боёв.

В кадетском корпусе он отлично учился по всем предметам, и, несмотря на то что начальство в корпусе знало о «вольнодумстве» Валериана, его не исключали из корпуса, берегли как отличного ученика, пророча ему большую военную карьеру.

Очутившись в Питере, Валериан окунулся в политическую деятельность. Он выполнял трудную и нервную работу по транспортировке оружия, проводил беседы среди рабочих и солдат, распространял листовки и литературу.

Из Академии Валериан с группой студентов был исключён за участие и выступление на митингах; за ним стала следить полиция, и Валериан, опасаясь, что он может провалить работу организации, решил уехать из Петербурга в Омск.

Не хотелось покидать Петербург, Валериан чувствовал, какую большую пользу ему приносит этот город; он получал из-за границы рукописи и брошюры Ленина, читал их и распространял среди товарищей; он чувствовал, как растут его политические знания, как он приобретает навыки профессионала-революционера, живя в этом бурлящем, шумном городе. Но уехать было необходимо. И вот он снова в Омске, где его с радостью встретили рабочие-железнодорожники.

В 1906 году во всех городах Сибири проходили партийные конференции, на которых избирались делегаты на партийный съезд. В Омске тоже проходила конференция, на которой среди 38 членов партии был и восемнадцатилетний Валериан Куйбышев, член Омского комитета партии. Он делал доклад.

Вбежавший товарищ взволнованно сообщил, что дом окружён полицией и казаками. Через несколько минут в помещение ворвались полицейские.

— Руки вверх! — скомандовали они.

Всех вывели во двор и под усиленным конвоем полиции и казаков повели в участок, а потом в тюрьму.

Товарищ, который сообщил о приближении полиции, носил прозвище «Курилка». Он был маленького роста, юркий и вечно держал во рту догоревшую папиросу.

«Курилка» пытался бежать, захватив с собою некоторые документы. Он отлично плавал.

Река Иртыш рядом с домом. Миг — и «Курилка» под обстрелом казаков плывёт по Иртышу, время от времени ныряя под воду, чтобы избежать пули.

Взоры арестованных прикованы к этому зрелищу. Все взволнованы, но конвоиры не разрешают останавливаться и разговаривать. Нельзя поделиться своими чувствами...

— Появится голова — облегчённо вздохнём: жив. Но вот засвистят пули, и радуемся, что «Курилка» успел скрыться...— рассказывал Валериан.

Арестованным не удалось узнать, смог ли переплыть реку «Курилка». Они ушли за крепкие стены тюрьмы, взволнованные за судьбу своего смелого друга.

Валериан позже узнал, что «Курилка» утонул. Он часто вспоминал своего товарища, и глаза его делались грустные-грустные.

— Смелый был человек — пригодился бы на большой работе,— говорил Валериан.

Свою восемнадцатую весну Валериан Куйбышев встретил в Омской тюрьме.

С этого времени жизнь молодого революционера проходит в тюрьмах и ссылках в далёкие сибирские края.

Трудные этапы зимой, в страшные морозы, с кандалами на руках, не сломили гордого большевика, а закалили его к ещё большей борьбе, к ещё большей настойчивости.

В тюрьме, в ссылке Валериан ни на минуту не прекращал своей кипучей деятельности. Он занимался сам, помогал заключённым и ссыльным разбираться в трудных вопросах, он выковывал в себе крепкого, стойкого революционера, в трудностях и лишениях готовил себя к борьбе.

Валериан никогда не унывал, он привлекал к себе своей бодростью и жизнерадостностью всех заключённых. Его песни и стихи переходили из уст в уста, разучивались и пелись в трудные зимние переходы по необъятным сибирским снегам.

Когда мать Валериана писала ему письма, полные горя, и просила смириться, он отвечал ей стихами:

«Ни оковы, ни стены, ни годы
страданья
Не заставят позорной пощады
просить.
Не сломить мою гордую стену
молчанья,
Не сломить...»

Утомлённые длинными, тяжёлыми переходами в кандалах по снежным сибирским трактам, заключённые пели бодрую песню, которую написал Валериан:

«Гей, друзья! Вновь жизнь
вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам...»

И все верили, что буря — могучая буря революции — вырвет их из цепей неволи, и они увидят радость, за которую так стойко, самоотверженно борются.

В тяжёлых испытаниях выковался характер Валериана, но жизнерадостность, светлый взгляд на жизнь навсегда остались у него. Его глаза всегда светились добротой и лаской. Он всю жизнь завоёвывал друзей искренностью, правдивостью, теплотой, чуткостью.

— А полководцем он всё-таки стал: кадетский корпус ему кое в чём помог, — говорила о Валериане мать, когда он сражался на фронтах гражданской войны, пройдя с Красной Армией степи Каспия, — защищал родную Волгу от полчищ врагов. Он принёс освобождение и Туркестанскому краю рука об руку с великим полководцем Фрунзе.

Всю гражданскую войну Валериан Владимирович провёл на фронте, он и в бою умел поднимать дух бойцов и вселять веру в счастливое будущее.

Куйбышева любили бойцы, они восхищались его храбростью, старались подражать ему и зорко следили за своим командиром, оберегая его от опасностей.

— Уговариваешь его поберечься, а он говорит: «Береги себя, твоя жизнь нужна родине». А сам идёт на передовую линию огня и сражается, как рядовой боец...— говорили о нём участники боя.

После окончания гражданской войны партия направила Куйбышева на советскую и партийную работу. Нет такого участка в советском народном хозяйстве, который ускользнул бы от его заботливого внимания.

Партия и правительство доверяли ему самые ответственные посты: председателя ЦКК ВКП(б), наркома РКИ, председателя ВСНХ СССР, председателя Госплана, председателя Комиссии Советского Контроля, первого заместителя Председателя Совнаркома СССР. Его избрали в члены ЦК ВКП(б), а в 1927 году — в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Он был членом ЦИК СССР.

Валериан Владимирович вошёл в историю, как один из бесстрашных и самоотверженных борцов за коммунизм.

Исключительная преданность революции, неукротимая ненависть к врагу, величайшая трудоспособность, безграничная вера в победу социализма — все эти замечательные качества большевика всегда были присущи Валериану Владимировичу и особенно ярко выявились у него в годы борьбы за сталинские пятилетки.

Памятно его выступление на ленинградском общегородском собрании инженеров и техников в начале 1931 года. Это был период разоблачения контрреволюционной, вредительской деятельности «Промпартии».

Валериан Владимирович на этом собрании поставил перед инженерно-техническим персоналом задачи, вытекающие из планов великих работ.

Он призывал советских инженеров и техников к проверке своих кадров: нужно вытряхнуть всё враждебное и гнилое; он развернул перед слушателями грандиозную картину строительства и подчеркнул огромную роль масс в осуществлении задач пятилетки.

Вот Куйбышев на трибуне XVII партийного съезда, он с воодушевлением говорит:

— ...Наша великая страна идёт от победы к победе. Идёт Советский Союз, мощная высокоиндустриальная социалистическая держава, уверенно и бодро навстречу будущему.

Речи Валериана Владимировича всегда были полны искренности и правдивости.

Он всегда, всю жизнь горел. Не потухала его кипучая энергия.

Валериан Владимирович очень много работал. Его редко можно было видеть дома отдыхающим, но он всегда находил время побеседовать со своими детьми, с женой, с близкими родными, с друзьями.

Его любили все: взрослые и дети.

Валериан Владимирович Куйбышев.

Приезжая отдыхать в Крым, он связывался с лагерем «Артек» и звал к себе отдыхающих там ребят, проводил с ними интересные беседы, играл в шахматы, в волейбол, ходил стрелять в тир.

Ребята Советского Союза хорошо знают Валериана Владимировича Куйбышева; многие присылали ему письма, когда он возглавлял Комиссию по спасению челюскинцев, когда начиналась грандиозная стройка Кузбасса, когда ребята хотели узнать о ком-нибудь из героев гражданской войны.

В архиве Валериана Владимировича хранятся все эти письма; он, прочитав, бережно их складывал и прятал в папку.

25 января 1935 года была прервана жизнь стойкого большевика, ученика и соратника Ленина и Сталина — Валериана Владимировича Куйбышева.

Не стало этого энергичного, полного жизни человека. Жизнь его прекратилась от подлой руки фашистских наемников, предателей родины, презренных убийц, для которых не было ничего святого, светлого.

Только два года спустя вскрылось это злодеяние. Убийцы не ушли от советского правосудия.

Как сейчас звучит в ушах траурная музыка в Доме Союзов. Ясно видишь перед собой гроб. Проходят толпы народа с опущенными траурными знамёнами. Рабочие, колхозники, красноармейцы, моряки, служащие, учащиеся идут с венками. На лентах надписи: «Твоё дело живёт. Спи спокойно, дорогой товарищ», «Мы, твои ученики и последователи, будем продолжать начатое тобой дело. Клянёмся тебе, дорогой наш Валериан Владимирович».

На Красной площади, у мавзолея Ленина, траурный митинг.

Слушает весь многомиллионный Советский Союз: города и колхозы, фабрики, далёкий Север, сибирские окраины, шахты и нефтяные промысла — вся необъятная страна слушает Красную площадь.

Говорит товарищ Молотов:

— Из наших рядов смерть вырвала Валериана Владимировича Куйбышева. Советский Союз, рабочий класс и партия лишились одного из своих лучших деятелей, соединявших в себе глубокое понимание сложных государственных и партийных дел с беззаветной преданностью Пролетарской революции.

Десять лет прошло, как прервалась жизнь Валериана Владимировича, а в памяти стоит его образ, звучат его слова.

...Вот он устремил взгляд на карту Северного полушария — он рассказывает о грандиозных планах строительства на Севере, о железных дорогах там, где казалось невозможным ступить ноге человека, он рассказывает о тех далёких холодных участках нашей родины, которые ещё не освоены — их будут осваивать смелые люди нашей страны.

Вот он водит рукой по всему необъятному пространству нашей страны, она растянулась на много километров вдоль и поперёк — одна шестая всего мира. Он с любовью говорит о новых городах, глаза его горят радостью, когда он перечисляет фабрики, заводы, судостроительные верфи, построенные за короткое время существования Страны советов.

— А что будет через десять—двадцать лет, когда наша страна окрепнет и разбогатеет!..— восторженно говорил он.

В грозные дни Великой отечественной войны образ Валериана Владимировича вспоминается с большой силой. Образ его жил в партизанских отрядах, носивших его имя, с его именем они шли на фашистов, гоня проклятого зверя с земли нашей дорогой родины.

Эскадрильи самолётов имени Куйбышева поднялись в небо, защищая Страну советов, танковая колонна имени Куйбышева гонит, давит врагов, не давая им оправиться, гоня их всё дальше и дальше от родных полей, уничтожая их в их собственной берлоге.

Имя Валериана Владимировича Куйбышева, верного соратника великого Сталина, выдающегося деятеля большевистской партии и советского государства, живёт в памяти народа и будет жить века.

В ОСВОБОЖДЕННОЙ ВАРШАВЕ

18 января в только что освобождённую столицу Польши — Варшаву — прибыли президент Крайовой Рады Народовой Болеслав Берут, премьер-министр Временного правительства Осубка-Моравский, главнокомандующий Польским войском генерал-полковник Роля-Жимерский. Тысячи жителей Варшавы вышли приветствовать представителей верховной власти Польской республики. На площади у костёла состоялись торжественный митинг и парад. Собравшиеся под бурные аплодисменты приняли приветственные телеграммы Верховному Главнокомандующему Красной Армии Маршалу Советского Союза Сталину, Маршалу Советского Союза Жукову и главнокомандующему Польского войска Роля-Жимерскому. На снимках: торжественный митинг и парад польских войск в Варшаве.

Фото Р. Кармен, Б. Соколова и М. Поссельского

ЖЕНА

В. Каверин

(Из романа «Два капитана»)

Рисунок И. Гринштейна

...Никогда не забуду этого утра — и вовсе не потому, что своими бледными и в то же время смелыми красками оно представилось мне как бы первым утром на земле. Для Крайнего Севера это — характерное чувство. Но точно ожидание какого-то чуда стеснило мне грудь, когда, покурив и поболтав с командиром катера, я поднялся и встал на палубе среди тяжёлого, разорванного тумана. То заходил он на палубу, то уходил, и между его диких клочьев показывалась над сопками полная луна с вертикальными вверх и вниз снопами. Через несколько минут она в последний раз мелькнула среди проносящегося, тающего тумана, и голубое, розовое, снежное утро встало над Кольским заливом.

Мы вошли в бухту, и такой же, как это утро, белый, розовый, снежный городок открылся передо мною.

Он был виден весь, как будто нарочно поставленный на серый высокий склон с красивыми просветами гранита. Белые домики с крылечками, от которых в разные стороны разбегались ступени, были расположены линиями, одна над другой, а вдоль бухты стояли большие каменные дома, построенные полукругом.

Поднявшись на высокую лестницу, я увидел бухту от берега до берега, и то непонятное волнение, которое всё утро то пробуждалось, то утихало, вновь овладело мною с какою-то пронзительной силой. Бухта была тёмнозелёная, непроницаемая, поблёскивающая от света неба. Что-то очень далёкое, южное, напоминающее высокогорные кавказские озёра, было в этой замкнутости берегов,— но на той стороне убегали сопки, покрытые снегом, и на их ослепительном фоне лишь кое-где был виден тонкий чёрный рисунок каких-то невысоких деревьев.

Я не верю в предчувствия, но это слово невольно пришло мне в голову, когда, поражённый красотою Полярного и Екатерининской бухты, я стоял у циркульного дома. Точно это была моя родина, которую до сих пор я лишь видел во сне и напрасно искал долгие годы,— таким предстал передо мной этот город. И в радостном возбуждении я стал думать, что здесь непременно должно произойти что-то очень хорошее для меня и даже, может быть, самое лучшее в жизни.

В политуправлении ещё никого не было: я пришёл до начала занятий. Ночной дежурный сказал, что, насколько ему известно, на моё имя писем не поступало.

— Может, давно,— сказал он.— Тогда передано начальнику общего отдела.

Я прождал начальника до 12 часов, потом пообедал и пошёл искать доктора Ивана Иваныча, моего старого друга. Он служил в Полярном; накануне он позвонил и сказал, что на моё имя получены письма. Больше полугода не было писем от Кати. Я искал её в Ленинграде, Москве, Ярославле. Новое назначение — на Крайний Север — застало меня на пути в Новосибирск, куда, по слухам, была отправлена Катя из Ленинграда весной 1942 года.

Конечно, доктор жил в одном из этих белых домиков, расположенных линиями, одна над другой. С моря они показались мне куда изящнее и стройнее. Вот и первая линия, а мне нужно на пятую линию, семь.

Ничем не отличался этот дом на пятой линии, семь, от любого соседа по правую и левую руку, разве что на лестнице его был настоящий каток, сквозь который едва просвечивали ступени.

Зайдя в переднюю, я толкнул одну дверь, потом другую. Обе комнаты были пустые, пропахшие табаком, с открытыми койками и по-мужски разбросанными вещами, и в обеих было что-то гостеприимное, точно хозяева, уходя, нарочно оставили открытыми двери.

— Есть тут кто?

Нечего было и спрашивать. Я вернулся на улицу. На той стороне баба с подоткнутым подолом тёрла снегом босые ноги; я спросил у неё, точно ли этот дом номер семь.

— А вам кого?

— Доктора Павлова.

— Он, верно, спит ещё,— сказала баба.— Вы обойдите, вон его окно. И стукните хорошенько!

Проще было постучать доктору в дверь, но я почему-то послушался и подошёл к окну. Дом стоял на косогоре, и это окно на задней стороне приходилось довольно низко над землёй. Оно было в инее, но когда я постучал и стал всматриваться, прикрыв глаза ладонью, мне почудились очертания женской фигуры. Казалось, женщина стояла, склонившись над корзиной или чемоданом, а теперь выпрямилась, когда я постучал, и подошла к окну. Так же, как я, она поставила ладонь козырьком над глазами, и сквозь дробящийся гранями иней я увидел чьё-то тоже дробящееся за мутным стеклом лицо.

Женщина шевельнула губами. Она ничего не сделала, только шевельнула губами. Она была почти не видна за снежным, матовым, мутным стеклом. Но я узнал её. Это была Катя...

Как рассказать о первых минутах нашей встречи, о беспамятстве, с которым я вглядывался в её лицо, целовал и снова вглядывался, начинал спрашивать и перебивал!

Она была бледна и очень похудела; что-то новое появилось в лице, потерявшем прежнюю строгость.

— Катька, да ты постриглась!

— Давно, ещё в Ярославле, когда болела.

Она не только постриглась, она стала другая, но сейчас я не хотел думать об этом — всё летело, летело куда-то: и мы, и эта комната, и доктор, который, оказывается, всё время был здесь же, стоял в углу, вытирая платком бороду, а потом стал уходить на цыпочках, но я его не пустил. Но главное, самое главное — всё время я забывал о нём! — Катя в Полярном! Как это вышло, что Катя оказалась в Полярном!

— Господи, да я писала тебе каждый день! Мы на час разошлись в Москве. Когда ты заходил к Вале Жукову, я стояла на Арбате в очереди за хлебом.

— Не может быть!

— Ты оставил ему письмо, я сразу побежала искать тебя — но куда? Ты не знал, что едешь на Север? Почему ты не оставил своего адреса?

— Потому что у меня не было адреса. Из Москвы я поехал искать тебя.

— Куда?

— В Ярославль. Я был в Ярославле. Я уже собрался в Новосибирск, когда получил назначение.

— Почему же ты не написал Вале, когда поехал сюда?

— Не знаю. Неужели **это ты?** Ты — Катя?

Мы ходили, обнявшись, натыкаясь на вещи, и снова всё спрашивали — почему, почему, и этих «почему» было так же много, как много было причин, которые разлучили нас под Ленинградом, провели по соседним улицам в Москве, а теперь столкнули в Полярном, куда я только что приехал впервые и где ещё полчаса назад невозможно было вообразить мою Катю!

Доктор куда-то исчез, потом вернулся с горячим чайником и не то что остановил эту скорость, с которой всё летело куда-то вперёд, а хоть посадил нас рядом на диван и стал угощать какими-то железными сухарями.

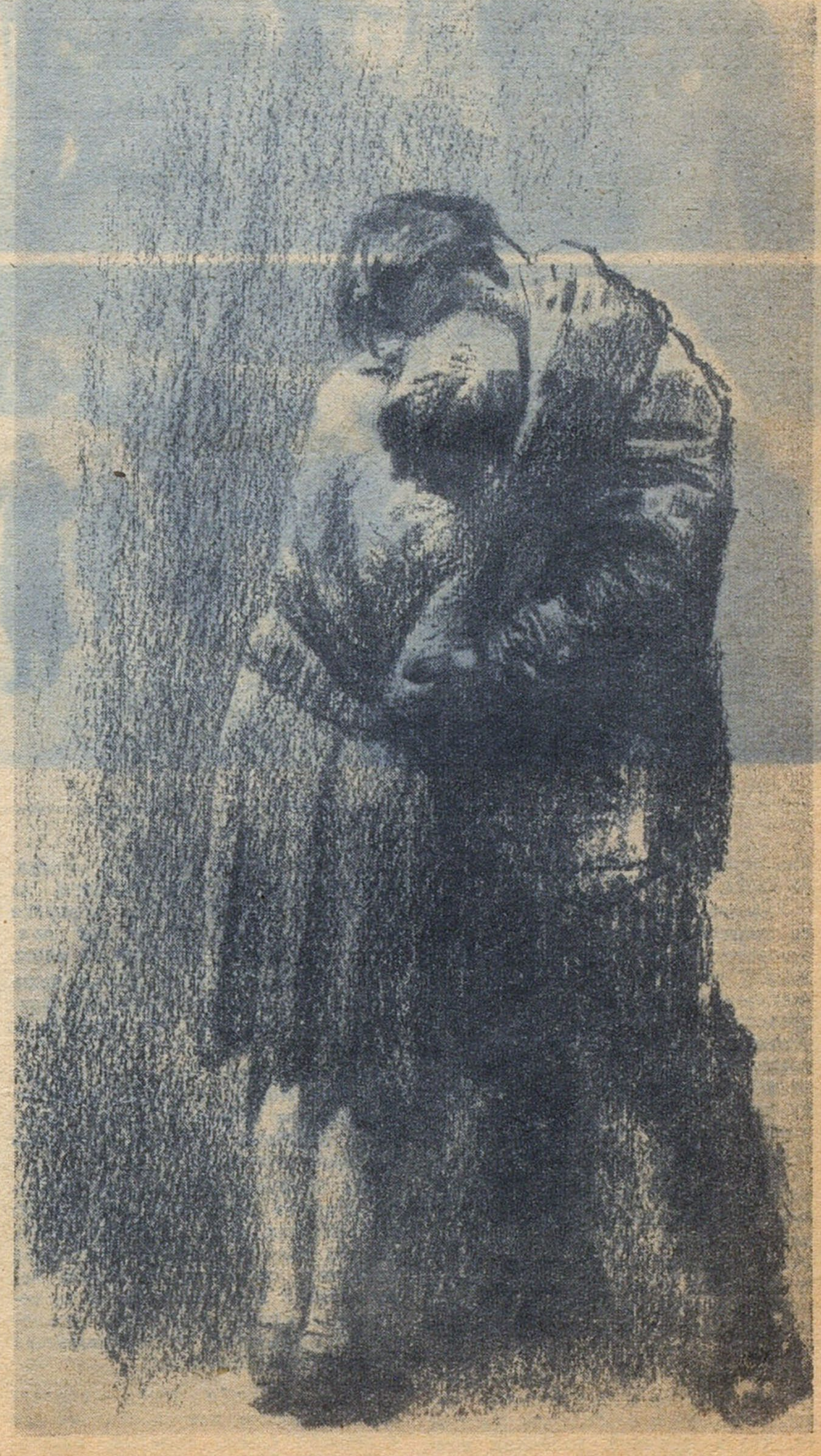
Потом он ушёл, я больше не задерживал его, и мы остались одни в этом холодном доме, с кухней, которая была завалена банками от консервов и грязной посудой, с передней, в которой не таял снег. Почему в этом доме, из окон которого видны сопки, и тяжёлая вода важно ходит между обрывистыми, снежными берегами? Но это было ещё одно «почему», на которое я не старался найти ответа.

*

Ещё идя к доктору, я заметил, что погода стала меняться, а теперь, когда вышел из дому, потому что был уже четвёртый час, а в политуправлении могли оказаться и не катины письма, прежний холодный, звенящий ветер упал, воздух стал непрозрачным, и мягкий снег повалил тяжело и быстро — верные признаки приближения пурги.

Письма были всё-таки катины.

Я не прочитал, только пробежал их, сразу же вышел и не нашёл Полярного, которое скрылось в круже-

Я вглядывался в её лицо, целовал и снова вглядывался...

МАТЬ ГЕРОЯ

Фото В. Минкевича

Из далёкого города Макарьева на Унже в Восточную Пруссию приехала Мария Фёдоровна Смирнова. Здесь, на немецкой земле, сражаются теперь гвардейцы — товарищи её сына по оружию. За мученическую смерть Юрия Смирнова, распятого немцами на кресте, гвардейцы беспощадно мстят врагу на его собственной земле.

В гвардейской части, в которой служил Герой Советского Союза Юрий Смирнов, Марию Фёдоровну встретили с великим почётом и любовью. «Приехав на фронт, к боевым товарищам моего Юрия,—говорит Мария Фёдоровна,— я не почувствовала себя одинокой. С каждым днём, с каждой встречей всё больше проникалась я мыслью, что дружная солдатская семья — это моя семья и каждый воин — это мой сын».

Мария Фёдоровна побывала в немецких городах, которыми овладели в жестоких боях наши войска. На верхнем снимке: Мария Фёдоровна на улицах города Мелькимен в Восточной Пруссии.

На снимке слева (верхнем): бойцы и командиры части, в которой служил Юрий Смирнов, встречают мать героя.

На фронте Мария Фёдоровна усыновила бойца Юрия Образского. На снимке справа вы видите её вместе с Юрием Образским.

В честь Марии Фёдоровны Смирновой в гвардейском полку состоялся парад (снимок внизу, слева). Обращаясь к гвардейцам, Мария Фёдоровна сказала: «Я была на немецкой земле и проклинаю эту землю и немцев, распявших моего сына. Прошу вас, сыны мои, идите вперёд, гоните, бейте немцев, мстите им за все злодеяния...»

нии летящего, слепящего, свистящего снега.

Хорошо, что я был в бурках,— и то пришлось выше колен поднять отвороты. Какие там линии — и в помине не было линий! Лишь фантастическое воображение могло представить, что где-то, за этими чёрными тучами сталкивающегося снега, стоят дома и в одном из них, на пятой линии, семь, Катя по моему совету кладёт галеты на камин, чтобы отогреть их. Конечно, я добрался до этого дома — самым трудным оказалось узнать его, за полчаса он стал похож на сказочную избушку, скосившуюся набок и заваленную снегом по окна. Как бог пурги ввалился я в переднюю, и Кате пришлось обметать меня веником начиная с плеч, на которых выросли и примёрзли высокие ледяные нашлёпки.

В комнате что-то изменилось. Иначе, удобнее расположились вещи, точно были благодарны Кате за то, что в мужской, холодной комнате доктора стало тепло. Уже прошло пять или шесть часов с тех пор, как произошла эта чудная, бесконечно важная для меня перемена,— весь мир нашей семейной жизни, покинувший нас так надолго, на полтора страшных года, вернулся наконец, а я всё ещё не мог привыкнуть к мысли, что Катя со мною.

— Знаешь, о чём я думал чаще всего? Что я мало любил тебя и забывал о том, как тебе трудно со мною.

— А я думала, что тебе трудно со мною. Когда ты уезжал и я волновалась за тебя — со всеми тревогами, заботами, страхом,— всё-таки это было счастьем!

Мы говорили, и она ещё продолжала что-то устраивать, как всегда в гостиницах, даже в поездах, везде, где мы бывали вдвоём. Это была привычка женщины, постоянно переезжавшей с мужем с места на место, и с какой жалостью, нежностью, раскаяньем я почувствовал Катю в этой привычке!

Потом пришёл сосед — коллега Ивана Иваныча, как он объявил нам с первого слова, толстый, низенький красный человек.

Вечером он собирался в Мурманск, но проклятая пурга спутала все расчёты.

— Не дают «добро» [1],— сказал он со вздохом,— так что больше ничего не остаётся, как закусить и выпить.

У Ивана Иваныча были вино и консервы, но он сказал, что это — не то, и принёс свои вино и консервы. Пыхтя, он открыл консервы и, зачем-то засучив рукава, стал подогревать их на камине. Мы с Катей что-то ели весь день, и он, не очень огорчившись нашим отказом, сам быстро, аппетитно всё съел и выпил. Он уже знал от доктора, что мы потеряли и нашли друг друга, и поздравил нас, а потом объявил, что знает тысячи подобных историй.

Не знаю, о чём ещё мы болтали, только помню, что от того, что, кроме нас, был ещё кто-то чужой, ещё острее чувствовалось счастье.

Потом он ушёл и весь вечер звонил в порт — не дают ли «добро». Но какое уж там «добро», когда пурга ещё только что пошла бродить-гулять над Баренцовым морем! Даже в доме окна начинали внезапно дрожать, точно кто-то тряс их снаружи, стучась то робко, то смело.

Мы были одни, я обнял Катю. Боже мой, как я стосковался по ней! Я всё забыл! Я забыл, например, как она убирает волосы на ночь — заплетает косички. Теперь волосы отросли ещё мало и косички вышли коротенькие, смешные. Но всё-таки она заплела их, открыв маленькие, красивые уши, которые я тоже забыл...

Всё ещё спрашивал толстый доктор, дают ли «добро», и попрежнему не давали «добро», потому что попрежнему не унималась, рвалась, рассыпалась снежным зарядом пурга. И к нам заглянула она на Рыбачий, и к немцам, гоня волну на их суда, спрятавшиеся в норвежских фиордах. Не дают «добро», закрыт порт, шторм девять баллов.

Спит жена, положив под щёку ладонь, красивая и умная, которая, не знаю за что, навсегда полюбила меня. Она спит, и можно долго смотреть на неё и думать, что мы одни и что хотя скоро кончится наша недолгая счастливая ночь, а всё-таки мы отняли её у этой дикой пурги, которая ходит-гуляет над миром...

[1] «Добро» — разрешение покинуть гавань.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

Л. Волынский

31 января 1945 года

ШАГИ ГИГАНТА

Для того, чтобы составить себе представление о мощи и стремительности нынешнего наступления советских войск, достаточно сравнить обстановку первого и последнего дня третьей январской декады.

21 января: взятие Гумбинена, первого крупного города в Восточной Пруссии; прорыв немецкой обороны вдоль южной восточно-прусской границы и вторжение в эту область по фронту в 80 километров; вторжение в немецкую Силезию по фронту в 90 километров.

На юге, в ущельях и на лесистых, обрывистых склонах Карпат, наши войска вышли к западу от г. Новы Сонч (Южная Польша) и от городов Пршов, Кошице, Бардева (Северная Чехословакия).

31 января: Красная Армия изгнала немецких захватчиков из Клайпеды (Мемеля), доколачивает попавшую в котёл (первый на германской земле!) восточно-прусскую группировку гитлеровцев и стоит на ближайших подступах к Кенигсбергу; окружены и уничтожаются немецкие гарнизоны в городах-крепостях Торн и Познань; советские войска очистили от противника Домбровский угольный бассейн и южную часть промышленного района немецкой Верхней Силезии; они вышли широким фронтом на реку Одер (от Волги, у Сталинграда, до Одера, у Бреславля,—свыше 2 тысяч километров).

Затем в сводках замелькали всё новые и новые названия немецких городов: советские войска пересекли границу Германии и вторглись в немецкую Померанию. Последний день января ознаменовался вторжением наших войск в германскую провинцию Бранденбург, четвёртую провинцию на вражеской территории. Сорок восьмой январский салют возвестил о новой блистательной победе Красной Армии — овладении бранденбургскими городами Ландсберг, Мезеритц, Швибус и Цюллинхау — мощными пунктами обороны немцев, прикрывавшими подступы к Франкфурту на Одере.

В Южной Польше немцы на протяжении этой декады были почти полностью выбиты из последней, оставшейся в их руках полоски земли, прилегающей к той части Карпатского хребта, где берёт своё начало Висла. Ещё немного осталось, чтобы берега этой польской реки, на всём её протяжении, до впадения её в Балтийское море, были полностью очищены от немцев.

В Чехословакии наши войска, продолжая наступление в труднейших условиях горно-лесистой местности, продвинулись на несколько десятков километров вперёд, освобождая теперь от врага междуречье Ваг-Грон.

В Будапеште к исходу января началась агония окружённого в западной части города (Буда) гарнизона противника. Столица Венгрии — накануне своего полного освобождения от гитлеровцев.

Дробящая сила ударов, обрушиваемых Красной Армией на врага, находит своё выражение и в цифрах его потерь. Только с 12 по 24 января немцы потеряли убитыми свыше 295 тысяч солдат и офицеров, взято в плен 86 330 гитлеровцев, захвачены огромные трофеи. Это далеко не полные данные. Они относятся только к итогам операций 1-го, 2-го и 3-го Белорусских, 1-го и 4-го Украинских фронтов. К ним присоединяются потери, причинённые противнику войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов — на полях битв в Чехословакии и Венгрии.

Советские чудо-богатыри находились к концу января в 110 километрах от Берлина!

НА ЗЕМЛЕ ВРАГА

Когда сводка Совинформбюро сообщила о взятии нашими войсками польского города Калиша, вспомнилось: именно здесь войска Вильгельма II перешли в начале августа 1914 года тогдашнюю германо-русскую границу, здесь завязалась первая схватка в минувшую мировую войну. Далее, к западу, на немецкой земле, в своих городах Шнейдемюль, Крейц, Франкфурт на Одере, Коттбус, не говоря уже о самом Берлине, немцы не познали ни в 1914—1918 годах, ни в течение предшествовавшего столетия, с наполеоновских времён, грозного, испепеляющего дыхания войны.

Отсюда их спесь, холодное равнодушие к чужим страданиям, их расчёты на безнаказанность, методы разбоя на захваченной земле, многократно усовершенствованные гитлеровскими извергами. Немцы отсыпались на пухлых перинах, вели счёт добыче в то время, как рушились чужие города, а население оккупированных областей и стран истреблялось германским огнём и мечом.

Сейчас немцам не до перин. Впервые почти за полтора столетия они почувствовали, что война — это бумеранг, возвращающийся на головы тех, кто вздумал обрушить его на других.

«Нынешний прорыв произошёл гораздо ближе от самого сердца нашего жизненного пространства... Наступление врага ввиду большой близости к нервному центру нашего сопротивления является опасным», — так определяет теперь положение на советско-германском фронте берлинское радио.

«В момент, когда враг бросает свои моторизованные войска то в одно, то в другое место и когда мы вынуждены перебрасывать свои резервы то туда, то сюда, мы не можем ставить военный прогноз. Мы не можем назвать линию, на которой будет организовано сопротивление». Эти растерянные слова принадлежат гитлеровскому обозревателю Гансу Фриче, в прошлом одному из самых развязных и разухабистых немецко-фашистских ура-пропагандистов.

«Мы переживаем критический момент... Можно сказать с уверенностью: война на Востоке вторглась теперь в пределы непосредственного германского отечества», — меланхолично констатирует начальник германского бюро печати Дитрих (тот самый Дитрих, который поспешил в октябре 1941 года поведать миру, что «с Красной Армией покончено»).

В Берлине паника. Германская столица в судорогах молниеносной эвакуации. То же происходит в городах и областях, прилегающих к обоим берегам Одера.

ДЕЛО ИДЕТ К РАЗВЯЗКЕ

В эти напряжённые дни поезда в Германии с лихорадочной поспешностью идут не только с востока на запад, подальше от бушующих боёв, но и в обратном направлении. В пути составы встречаются. На перепуганных физиономиях «восточных» немцев появляется проблеск тщетной надежды. С западного фронта идёт день и ночь переброска гитлеровских войск на советско-германский фронт.

Это общеизвестный факт.

«Немцы массами отправляют войска и военные материалы с передовых позиций на Западном фронте в глубь Германии, — сообщает корреспондент лондонской газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост».— Судя по той скорости, с какой идут колонны на Восток, а также по тому факту, что оставлены попытки передвигаться только в ночное время, можно предполагать, что войска в спешке отправляются для перегруппировки и быстрого использования против русских».

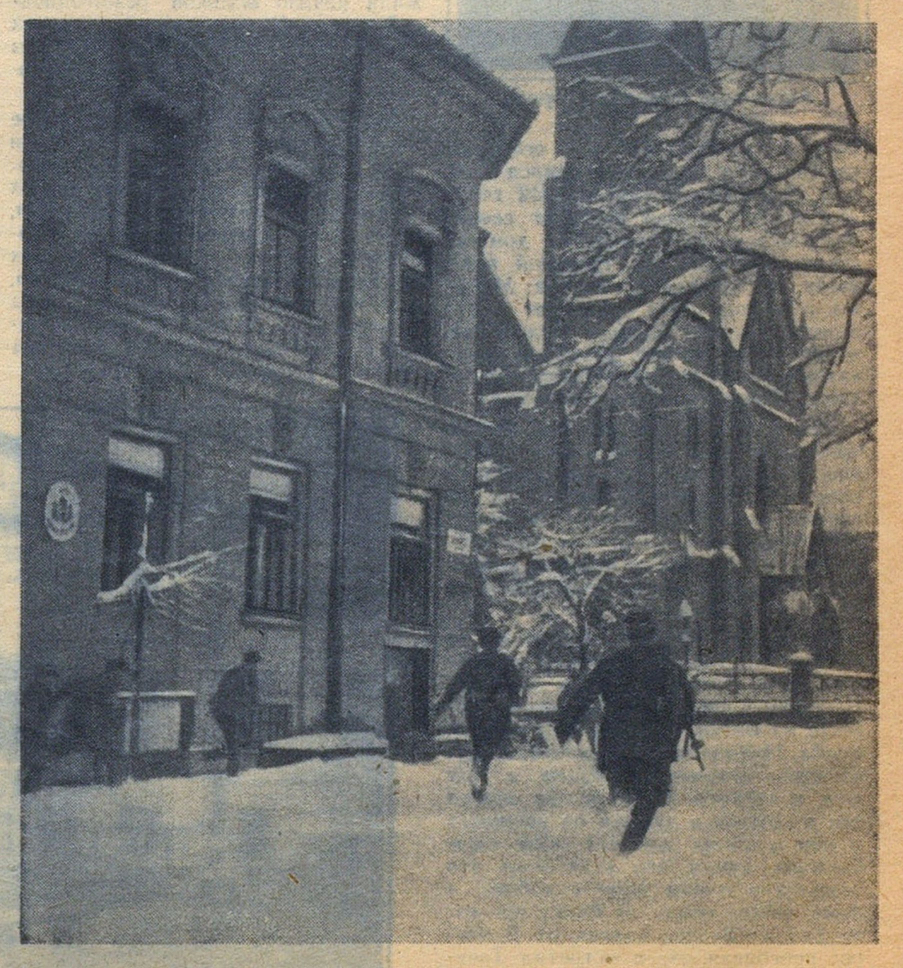
«Похоже на то, — заявляет «Дейли геральд», — что немецкие войска перебрасываются непосредственно из Арденн, а судя по количеству железнодорожных транспортных средств, можно придти к заключению, что перебрасываются крупные силы, а не только одна или две дивизии».

Точно установлено, что в момент своего наступления в Арденнах германское командование располагало на Западном фронте не более чем 80 дивизиями. Провалившееся наступление Рундштедта обошлось немцам, по английским подсчётам, в 100 тысяч человек. Сейчас, не от хорошей жизни, гитлеровцы вынуждены ещё больше ослабить свою оборону.

Результаты этого уже сказались в известной мере: союзникам удалось, без особого напряжения, ликвидировать арденнский выступ противника и парализовать его демонстративные атаки на некоторых других участках фронта. Во всяком случае, соотношение сил на Западе, характеризовавшееся и ранее значительным перевесом на стороне союзных войск, в данный момент ещё резче ухудшилось для немцев. Авантюризм гитлеровцев бьёт все прежние рекорды. Ослабляя Западный фронт, они действуют так, словно заранее уверены в том, что там воцаряется застой и затишье: рискованная игра собственной головой, напоминающая, впрочем, поведение утопающего, который готов хвататься за соломинку.

Создавшееся положение даёт лондонской газете «Дейли мейль» основание заявить: «Пришло время для нанесения ещё одного крупного удара — в Голландии и Бельгии». А газета «Таймс» в этой же связи приходит к выводу, что «наступление Красной Армии повышает ответственность союзников».

Не входя в детали, где именно, на каком или на каких участках Западного фронта должен незамедлительно последовать удар по общему врагу, можно согласиться с мнением цитированных английских газет. Действительно, момент для решительных операций союзных армий сейчас более благоприятный, чем когда-либо за всё время войны.

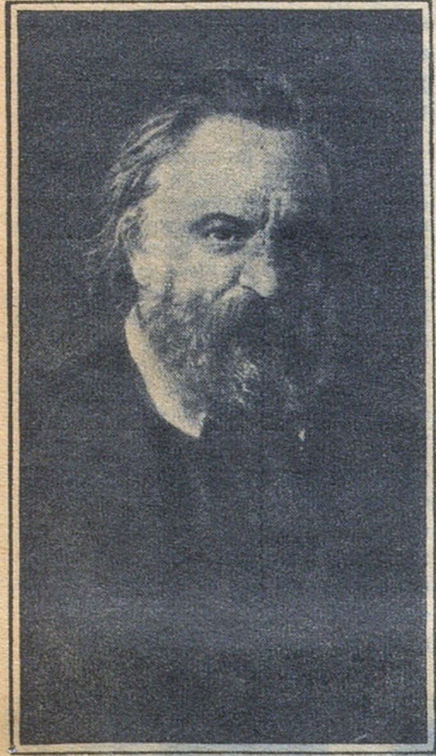
Уличные бои в Будапеште.

Фото Г. Зельма

ГЕРЦЕН И МОСКВА

Н. Анциферов

«Москва... становится в уровень с обстоятельствами, когда над Русью гремит гроза. Она в 1612 году кровно обвенчалась с Россией и сплавилась с нею огнём 1812... Народный город показал себя полным сердца и энергии». Так оценивал великий русский мыслитель Александр Иванович Герцен роль древней столицы России, всматриваясь в её былое и прозревая её будущее. Действительно, Москва — сердце нашей родины — была во все века её исторического пути «Народным городом». Таким городом она и показала себя всему

Александр Иванович Герцен.

миру в тот год, когда в особняке на Тверском бульваре родился Герцен. Это было 6 апреля 1812 года. Московский пожар вынудил семью новорождённого покинуть дом и искать спасения на Тверской площади. «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моею колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей»,— пишет Герцен в «Былом и думах».

Эти рассказы уже на заре жизни пробудили в душе мальчика глубокий патриотизм, который наполнил весь его жизненный путь. Но не только патриотом своего великого отечества был Герцен,— он был патриотом и Москвы, в которой родился, его родной город стал для него символом России.

«Я люблю Москву, люблю её за её русский характер, люблю за воспоминания юности, люблю за тебя, Наташа»,— писал Герцен своей невесте из Вятки, куда он был выслан царём Николаем. С нежностью постоянно вспоминал Герцен и тот дом, в котором родился. Он описал его в «Былом и думах», он упоминал о нём в своих письмах. «Ты ошибаешься, думая, что я не знал, что родился в одном доме с тобою, в доме твоего отца... В Вятку привезли раз множество картин от Дациаро; перебирая их, я встретил Тверской бульвар и тот дом,— наш дом. Я на фронтоне написал твоё имя и моё»,— так писал Герцен Наталии Александровне Захарьиной, своей будущей жене. Этот старый особняк XVIII века сохранился до наших дней. За чугунной оградой, за небольшим садиком с тополями виднеется здание цвета охры и белыми пилястрами и фронтоном с рельефом, изображающим Аполлона в окружении муз. Этот дом носит имя Герцена. На его воротах рельеф с изображением того, кто некогда здесь родился. Дом Герцена принадлежит Союзу советских писателей.

Отрочество и юность Александр Иванович провёл в Старо-Конюшенской слободе (между Арбатом и Пречистенкой), в Б. Власьевском переулке; в глубине двора находился особняк, с которым и связаны «воспоминания юности» Герцена.

В этом доме расцвела дружба Саши Герцена и Ники Огарёва, дружба, заполнившая всю их жизнь. Огарёв также описал этот памятный дом.

В те годы два подростка, воодушевлённые пламенной мечтой о служении народу и родине, во время прогулки по кудрявым склонам Воробьёвых гор дали клятву перед лицом всей Москвы посвятить свою жизнь борьбе за свободу.

«Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас; постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу».

Клятву, принесённую перед лицом любимой Москвы, Герцен и Огарёв сдержали. Через много лет далеко на чужбине, в Лондоне, они положили начало вольной революционной печати. Оттуда раздался звон «Колокола», будивший на борьбу за освобождение России от пут отжившего социального строя.

Университетские годы ещё более сблизили друзей детства. Это были годы большого подъёма Московского университета, когда в его стенах обучались Белинский, Станкевич, Лермонтов... Среди молодёжи возникали кружки. Один из таких кружков собирался в доме Огарёва, у Никитских ворот (теперь улица Герцена, дом № 53). Об этих встречах в «Исповеди лишнего человека» много лет спустя писал Огарёв:

Москва в 40-х годах прошлого века. Вид на улицу Арбат.

«Я помню комнатку аршинов в пять,
Кровать да стул, да стол с свечёю сальной.
И тут втроём, мы — дети декабристов
И мира нового ученики,
Ученики Фурье и Сен-Симона —
Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положим социализм,
И чтоб достичь священной нашей цели,—
Мы общество должны составить втайне
И втайне шаг за шаг распространять».

В Москве наших дней от дома Огарёва к университету тянется улица Герцена. Переулки носят имена близких ему людей: Огарёва, Белинского, Грановского, Станкевича. Перед прекрасным зданием старого университета, построенным великим зодчим Казаковым и, действительно, соответствующим «храму науки», воздвигнуты две статуи во весь рост: направо — Герцену, налево — Огарёву. Так советская Москва увековечила память своих сынов и славных питомцев университета.

Члены кружка Герцена и Огарёва были арестованы летом 1834 года. На юговосточной окраине Москвы, близ Симонова, в стенах Крутицкого монастыря-подворья, в тесной камере сидел арестованный юноша Герцен и писал свою первую повесть «Легенда». Во время прогулок он с высокого берега Москвы-реки с любовью смотрел на панораму Москвы. Но это была уже не та панорама, которой он восхищался на Воробьёвых горах. В своей «Легенде» он описал её так: «Кто не знает чувствований, с которыми смотрит человек вдаль с горы? Я сам часто испытывал их, но тут явилось что-то новое в моей груди, сжатой каменными стенами, в груди колодника...

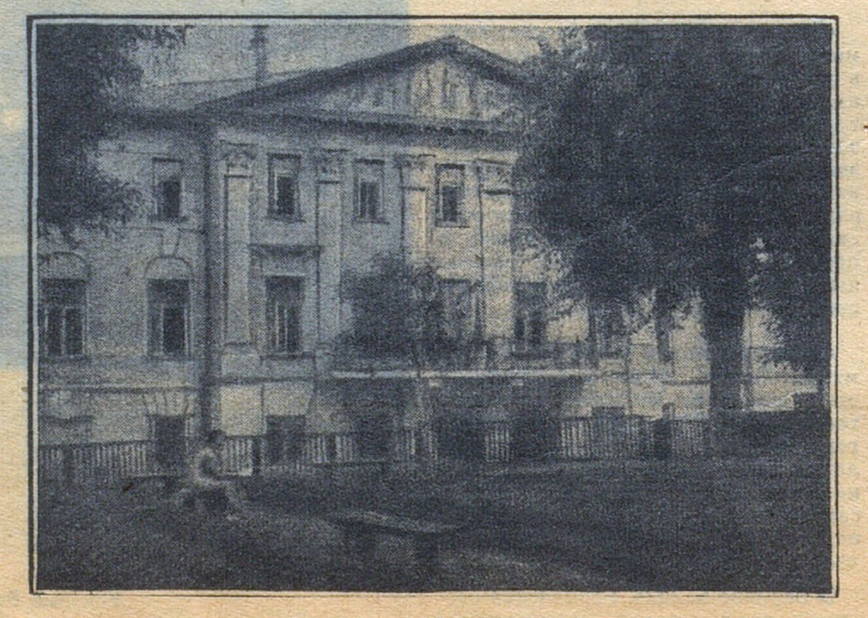
Вся Москва, весь этот огромный, пёстрый гигант, распростёртый на сорок вёрст, блестящий своею чешуёй, вся эта необъятная узорчатая друза кристаллов, неправильно осевшихся. Я всматривался в каждую часть города, в каждой груде камней находил знакомого, приятеля, которого давно не видал... Вот Кремль, вот Воспитательный дом, вот крыша театра, вот такая-то церковь... Осеннее солнце... не ослепляло. Полосами была Москва наводнена его светом, полосами была темна, и эти полосы перебегали: Москва, казалось, то улыбается, то бороздит морщинами чело своё. Вся московская жизнь представлялась мне ясно, живо...»

Это было прощание с родным городом.

Из тюрьмы путь Герцена в ссылку — сперва в Пермь, потом в Вятку.

«Наконец, я в коляске, за заставой — не было сил ещё раз взглянуть на Москву... Колокольчику отвязали язычок — мы едем. Вдруг провожатый, спокойно куривший трубку, привстал на козлах, снял фуражку и стал креститься, говоря: «Креститесь, почём знать, увидим ли Кремль и Ивана Великого». Фу! я бросил извозчику четвертак, чтобы он поскорее ехал, и ямщик поскакал — ветер-буря!».

Во Владимире он начал писать повесть «О себе». Перед ним возникли образы Москвы, и он описал свою прогулку с другом Огарёвым в ранний час, после ночи, проведённой в горячих спорах. «Они шли, шли и остановились на Каменном мосту, Святой Кремль в своём византийском наряде, окружённый башнями, стенами, думал свою думу о прошлых и новых веках; часовой, поставленный Годуновым, в белой одежде, как рында, в золотой шапке, как князь, сторожит покой Кремля, неподвижный и высокий (Иван Великий. — Н. А.)... а река шумела

Дом на Тверском бульваре в Москве, в котором родился А. И. Герцен.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ГЕРЦЕНА

«Безнравственность в Германии доходила до высшего предела, ни малейшей тени человеческого достоинства. Крепости набиты арестантами, гонения за религию, гонения за стихи, гонения за дерзкое слово о министре, — всё это тихо, без шума, — и народ ничего...»

«Былое и думы».

«Я не верю, чтоб судьбы мира оставались надолго в руках немцев и Гогенцоллернов. Это невозможно, это противно человеческому смыслу, противно исторической эстетике».

«Былое и думы».

«Истина этим людям (немцам.— Ред.) равнодушна. Россию они ненавидят... вообще всё русское и всех русских».

«Ультиматум».

«Капральской палкой и мещанским понятием об экономии в Пруссии... вселяется гуманизм. Пруссия бездушна... Германия вообще... ниже всей Европы в развитии гуманности».

«Дневник» 1843 г.

«Москва... становится в уровень с обстоятельствами, когда над Русью гремит гроза.

Она в 1612 году кровно обвенчалась с Россией и сплавилась с нею огнём 1812...

Хмуря брови и надувая губы, ждал Наполеон ключей Москвы у Дорогомиловской заставы, нетерпеливо играя мундштуком и теребя перчатку. Он не привык один входить в чужие города.

«Но не пошла Москва моя», —

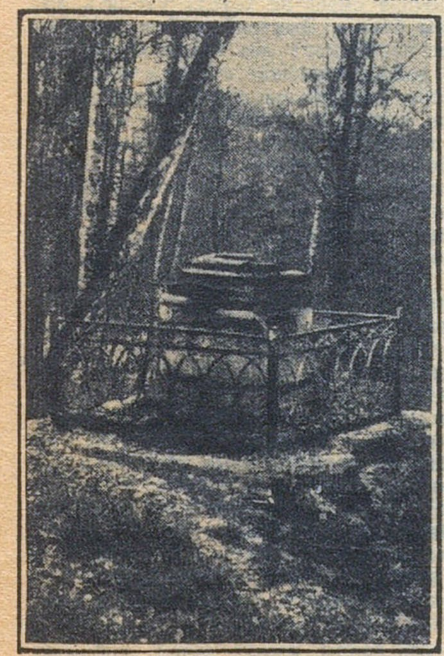
как говорит Пушкин,— а зажгла самоё себя».

«Былое и думы», 1856.

«Солидарность, связывающая Россию и Польшу между собою и со всем славянским миром, не может быть отвергнута: она очевидна. Ещё более: вне России нет будущности для славянского мира; без России он не разовьётся,— он расплывётся и будет поглощён германским элементом; он сделается австрийским и потеряет свою самостоятельность. Но не такова, по нашему мнению, его судьба, его назначение».

«Русский народ и социализм», 1851.

и неслась из-под арки, и всасывала в себя месяц, и сносила его свет на середину, и играла им, и пускала длинной полосою плыть в воронёной рамке... Алый отлив пробежал по белым стенам Кремля и заиграл огнями на крестах, главах и окнах.

Место клятвы Герцена на Воробьёвых горах в Москве.

Рассветало. С одной стороны спало тёмное Замоскворечье, покрытое подымающимся утренним туманом, с другой стороны спала часть города, облитая тем же месяцем. Обе не знали о начале дня, а Кремль его уже встретил, ему уже радовался, и ночь с днём встретились на реке — серебро и золото перемешалось на волнах»,— так, тоскуя в ссылке о Москве, Герцен создавал красочный романтический ландшафт.

В 1842 году Герцену было разрешено вернуться в древнюю столицу из новгородской ссылки. Он поселился с семьёй в Старой Конюшенной, в Сивцевом Вражке. И теперь мы можем видеть в этом тихом квартале столицы небольшой деревянный дом (№ 27). Здесь Герцен провёл лучшие годы своей семейной жизни. Здесь он писал свои замечательные «Письма об изучении природы», сыгравшие такую роль в истории русской философии. Здесь написан им роман «Кто виноват?» и повесть «Сорока-воровка». Отсюда Герцен на лето ездил в своё имение Покровское, а позднее — в дачный посёлок Соколово. Посетил он и подмосковное своего отца—Васильевское, где в детстве проводил летние месяцы. Родные сёла, Москва-река, поле и дубравы, с их запахами и шумами, вспоминались ему постоянно на чужбине, как зов родины. После нашествия гитлеровцев Васильевское превратилось в пепелище. В нём не сохранилось ни одной избы, Покровское же уцелело каким-то чудом.

В 1847 году, в январе, Герцен с семьёй выехал из России. Он не знал, что покидает Москву навсегда. Друзья провожали его до первой почтовой станции «Чёрная грязь».

«...Был уже вечер, возок заскрипел по снегу... Вы смотрели печально вслед, но не догадывались, что то были похороны и вечная разлука»,— с этими словами обратился Герцен к своим московским друзьям в «Былом и думах».

В долгие годы своих скитаний по Западной Европе Герцен из далёка постоянно обращался мыслью к Москве. Для него это была целая поэма. «Эту поэму в 40 вёрст можно понять, только «прижавшись к ней». И Герцен понял, что «Москва — иероглиф всей России: понять её — значит понять Россию».

До конца жизни Герцен оставался верен своему знамени, и потому ему не было возврата в николаевскую Россию. Мечтая о Москве, он отдавал себе отчёт, что мечта его мало реальна. И он хотел, чтобы дети его вернулись в родной город. Изгнанник писал своему старому другу М. Ф. Корш о своём сыне: «А хотел бы я, чтобы он, поучившись, да попал домой на Москву-реку».

В последние дни жизни Александра Ивановича посетил в Париже москвич Д. Н. Свербеев, и умирающий Герцен писал Огарёву, что гость своими рассказами о Москве наполнил «целый квартал фимиамом Арбата и Пречистенки».

Семьдесят пять лет назад, 21 января 1870 года, Герцен умер.

Вместе с Пушкиным он мог бы сказать:

«Как часто в горестной разлуке
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе».

Эту любовь к Москве, эту верность ей Герцен завещал нам.

ЛОНДОНСКИЕ ГОДЫ ГЕРЦЕНА

Аллен Хатт

Александр Иванович Герцен прожил в столице Англии двенадцать лет — с 1852 по 1864 год. Лондонские годы были очень важны в политической и литературной деятельности Герцена. Здесь он начал издавать «Колокол».

Герцен ещё до своего появления в Лондоне был известен в английских либеральных и социалистических кругах. В письме к Энгельсу Маркс упомянул о нём.

В первые годы своего пребывания в Лондоне Герцен связался с представителями движения, известного под именем чартизма. Во время Крымской войны комитет организовал большой интернациональный митинг, посвящённый годовщине Французской революции 1848 года. Речь Герцена, политического эмигранта, объявившего о братстве между английским и русским народами, произвела на присутствующих огромное впечатление.

Влияние Лондона на Герцена так же, как и на проживающих тогда эмигрантов из других стран, было велико. В те годы Лондон был мировым центром промышленности и торговли. Энгельс ещё в 1844 году был поражён «колоссальной централизацией» этого города и «человеческой сумятицей» — всем тем, что десять лет спустя Герцен назвал «лондонскими джунглями».

В своих воспоминаниях Герцен писал, как он любил стоять ночью на лондонских мостах, глядя на огромный город и раздумывая о его социальных противоречиях. В этом городе сотни тысяч людей не знали, где им прислонить ночью свою голову, и полиция часто обнаруживала женщин и детей, умерших от голода, рядом с роскошными отелями и ресторанами.

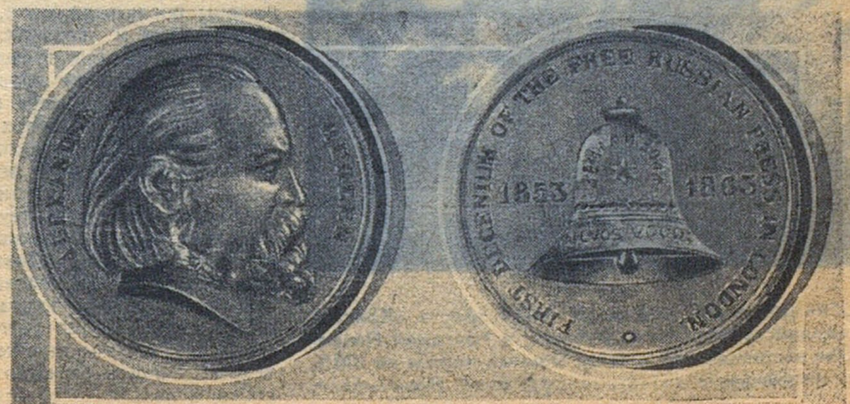
Бурный темперамент Герцена требовал перемен. За двенадцать лет в Лондоне Герцен жил в семи различных частях города. Современный житель Лондона с улыбкой прочтёт, как Герцен, прибыв в Лондон в 1852 году, сразу решил найти «спокойное» убежище и снял квартиру в «уединённой» части города — к северу от Риджентс парка, в Примроз Хилле. В настоящее время Примроз Хилл считается одним из центральных кварталов Лондона. И те уединённые и тихие улицы, где жил Герцен, в настоящее время обстреливаются бомбами фашистских варваров. И если бы Александр Иванович теперь решил прогуляться по покрытым травой склонам Примроз Хилла, как это было девяносто лет назад, он услышал бы грохот зенитных батарей, защищающих город от германских воздушных пиратов.

В Примроз Хилле Герцен прожил довольно долго. Затем он короткое время жил в Ричмонде, в более прозаическом районе Лондона — на Финчли род и, наконец, снял Лорел хауз, походивший более на ферму, чем на городской дом, в Фулхеме на Темзе. Здесь у Герцена поселился Огарёв, уговоривший старого друга начать писание «Былого и дум».

Семейство Герцена и семейство Огарёва увеличились, и они решили переселиться на новое место. Ими был снят пятиэтажный дом в Вимбледоне, который посещался многочисленными русскими. Здесь бывали Тургенев и Лев Толстой. Здесь, в кабинете писателя, происходили резкие дебаты между этими величайшими русскими писателями, а Лев Толстой очаровывал всех пением солдатских песен, слышанных во время Крымской кампании. В Вимбледоне Герцен услышал о манифесте, «даровавшем» освобождение крестьянам.

Последняя квартира Герцена в Англии была в Тоддингтоне, в деревушке на Темзе, где он в 1864 году принимал Гарибальди.

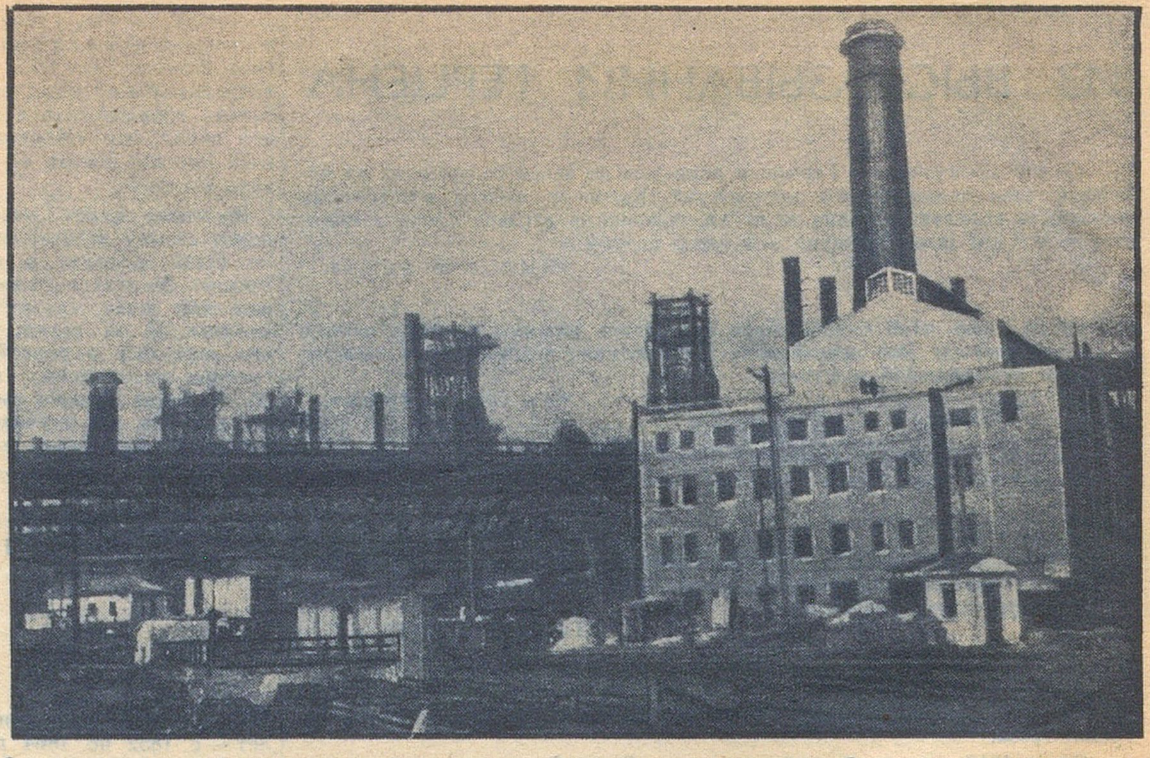
Перевод с английского.

Лицевая и оборотная стороны медали, выпущенной в честь 10-летия Вольной Русской типографии в Лондоне.

НА ЗЕМЛЕ ДОНЕЦКОЙ

Алексей Ионов

Заново отстроенный парокотельный цех металлургического завода имени Сталина в городе Сталино.

Взору воинов открылись близкие горизонты с силуэтами пепельно-синих терриконов, железным кружевом шахтных копров, высокими трубами заводов.

По ночам, если умолкали орудия, в степи становилось тихо и темно. И тех, кто знал Донбасс до войны, эти тишина и тьма угнетали. Почему не слышно шахтных гудков, которые когда-то звучали как благовест? Где зарево домен?

Бойцы врывались в горящие города. Навстречу танкистам бросались оборванные ребятишки, выходили патриархальные старики. Бледные, как выросшие без солнца растения, стыдясь своего убогого наряда, женщины и девушки обнимали незнакомых пехотинцев и плакали от горя и счастья.

Всё это уже принадлежит истории, но этого нельзя забыть ни нам, ни внукам, ни правнукам нашим.

* *

С тех же, сентябрьских дней 1943 года историк мог бы начать летопись возрождения.

С востока потянулись эшелоны с зерном, скотом, машинами, лесом, посудой, одеждой. Шли эшелоны из таёжных и среднеазиатских городов, с Кавказа и Урала и почти на каждом вагоне белели трогательные надписи: «Здравствуй, Донбасс!», «Живи, Донбасс!», «Родному Донбассу».

Один из таких эшелонов в туманный октябрьский день пришёл в город Сталино из далёкого города Тайга. Сибиряки сошли на землю, огляделись кругом и удивились: «Да возможна ли тут жизнь?» Куда ни глянь — лишь руины, пепелища да голые стены с оконными просветами, через которые видно неприветливое, осеннее небо.

Но Донбасс уже оживал. Вечером посланцы Тайги увидели чудом уцелевший оперный театр и сотни людей, пришедших сюда с шахт и заводов.

Электрослесари шахты № 6—14 треста «Красногвардейскуголь» Иван Бабенко и Григорий Панов. Они выполняют производственные нормы на 200% и награждены Почётной грамотой Наркомугля.

Фото М. Приходько

Трудно передать радость этой волнующей встречи.

— Товарищи! — страстно говорил с трибуны сибиряк. — Ваш город был, видно, красив и хорош, а что сделали с ним звери-немцы! Но мы верим, что вы снова отстроите свой город. Мы вам оказываем пока маленькую помощь, но вы уже видите, что вы не одни и страна о вас не забыла.

Жители донецкой столицы отвечали, что Донбасс оправдает любовь, которую питает к нему весь советский народ.

И донбассовцы шли на труд и подвиг с великой готовностью. Одни из них, не щадя жизни, тушили пожары, обезвреживали немецкие фугасы, пробираясь в загазированные забои или ныряя в ледяную воду затопленных шахт, спасали оборудование. Другие буквально из обломков воссоздавали сложные машины или при самых примитивных приспособлениях и инструментах строили новые машины.

Один из богатырей сегодняшнего Донбасса, горловский забойщик Михаил Афонин, ещё в сентябре сообщил на собрании:

— Я, товарищи, начал помаленьку колупать уж четвёртую годовую норму.—Тут он попимающе кивнул кому-то головой и добавил:—Шахтёры не подведут....

На свои родные шахты и заводы возвратились почётные старички, и за ними упрочилась слава учителей.

Я записал рассказ о трудовом подвиге 57-летнего каменщика Константиновского металлургического завода Филиппа Трофимовича Котова. Будучи юношей, этот человек клал в хоромах московских богатеев изящные кафельные печи, затем научился класть фабричные и заводские трубы. Он возвёл за свою жизнь десятки труб. Затем ему надоело скитаться в поисках новых подрядов, он стал жить осёдло и долгие годы был на заводе рядовым каменщиком.

— А тут,—повествует Котов,—немец у нас на заводе все трубы повалил. Вижу я, что некому поднять их, пошёл к директору и назвался. Инженеры послушали меня, проверили мои расчёты-подсчёты и сказали: «Ну, твори». Потом, когда мы уже приступили к работе, они всё ходили, проверяли, не делаем ли мы какой оплошности. А мы знай себе поглядываем на отвесик и гоним трубу всё вверх да вверх. Выгнали её метров на 15. Тут несколько человек стали проситься: «Отпусти нас, дед». «Что такое?»— говорю. — «Страшно без привычки». Это верно: работа наша рисковая. Чуть оступился — пропал. Остались со мною только двое: Семён Пыхтин да Павел Дёмченко. Довели мы трубу до 50 метров, дальше стали класть в один кирпич. Как подымется ветер, труба шатается, и нас того гляди сдует. Посмотришь вниз — дух захватывает. А тут морозы страшенные стоят, пальцы коченеют. Выпить бы водочки для теплоты и храбрости, а нельзя: дело наше того не позволяет. Потом мы по ночам стали работать. Бывало, потухнет у нас лампа и месяца нет. Значит, надо слезать. И вот нащупываешь ногой скобки, по которым мы взбирались на трубу, а они обледенели. Я не за себя боялся, а за других. Приду домой — не сплю, лежу с цыгаркой и думаю, думаю: народ у меня новый, неумелый, чуть оступится, сплющает — гроб. Но, слава богу, всё прошло без греха. Последнее время мы ох как успевали! Я укладывал по 3—4 кубометра в день, а норма была один кубометр. За 62 дня мы уложили 732 кубометра кирпича. На самом верху поставили громоотвод, на том дело и покончили.

А когда дело покончено, забываются и холод, и опасности, и бессонные ночи.

...Был праздник на металлургическом заводе. Тут подняли из камней и пепла первую мартеновскую печь. Её строили по памяти, без чертежей, строили и сами удивлялись: «Получается!»

И вот настала торжественная минута. В цех собрались со всего завода сотни рабочих и работниц — бывших домохозяек. Поглядывая на печь, они деловито, словно речь шла не более, как о каше, осведомлялись: «Ну что, не сварилась ещё?» Ночная смена не хотела уходить домой. Сталевары братья Дмитрий и Алексей Буренок впервые после двух лет снова хлопотали у печи, то и дело зачерпывая сталь для пробы. Всё было полно нетерпеливого и волнующего ожидания. Оно достигло крайнего напряжения, когда стали прожигать летку. Летка была новая, неразработанная, поддавалась туго. Вдруг повалили густобурый дым и газ, полетели, шипя, мириады белых искр—и сталь хлынула в ковш. В цехе загремели аплодисменты, кто-то подбросил кверху шапку, кто-то во всю силу закричал «ура».

Ковш величественно поплыл над головами рабочих, и было слышно, как сталь продолжала гневно клокотать в нём.

...И ещё мне довелось видеть торжество.

Шахтостроители в короткий срок почти заново построили шахту «Кураховка»: поставили копёр, возвели надшахтное и машинное здания, многие другие службы. За чистые, белые постройки рабочие ласково прозвали шахту «белочкой».

Закончив стройку, шахтостроители устроили пиршество. На столах в гильзах от тяжёлых тау-бичных снарядов стояли букеты цветов. Цветы украшали и косы нарядных официанток, разносивших на подносах пироги, а в графинах и глиняных кувшинах вино и брагу.

Когда грянули баяны, кто-то запел любимую шахтёрскую песню о курганах тёмных, степи донецкой и парне молодом.

Полуобняв своего соседа, шахтёр с синими «родимыми» отметинами на лице спрашивал:

— Ну, как соображаешь, Трофим, слышут нашу песню в Берлине? Ишь, проклятый германец, что замыслил: Россию повалить! Нас, брат, не убьёшь! Мы из земли подымемся!

Город Сталино.

ЗАСЛУЖЕННАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Л. Русанова

В широком и светлом коридоре школы так тихо, что невольно хочется говорить шопотом. Из-за белых дверей с акуратными прямоугольниками табличек едва доносится голос учителя или нестройный хор детских голосов.

4-й класс «А», 4-й класс «Б», 2-й класс... Мы идём мимо свежевыкрашенных деревянных подставок, на которых установлены гипсовые копии скульптур, мимо чудесных иллюстраций к крыловским басням и популярным сказкам, мимо живой изгороди из комнатных растений.

Задребезжал звонок, возвещавший конец урока. Дверь 3-го класса «Б» распахнулась. Несколько минут никто не появлялся, потому что мальчики хотели протиснуться в неё все сразу. Потом они вышли и, проходя мимо нас, вежливо здоровались. Вслед за последним мальчиком шла учительница — маленькая, опрятная старушка, с необычайно ласковым лицом. Она приветливо улыбалась нам. На вязаной кофточке старой учительницы ярко выделялся орден Ленина.

Мы познакомились с одним из старейших педагогов Москвы, заслуженной учительницей республики, кандидатом педагогических наук Марией Васильевной Малютиной.

* * *

...53 года тому назад в деревню Сёмкино, Рязанской губернии, приехала новая учительница. Ей было всего шестнадцать лет, и она боязливо глядела на ребятишек, прильнувших к окнам классной комнаты, чтобы посмотреть на городскую барышню. Учительница нервничала. Ей казалось, что она ничего сама не знает и ничего не сумеет объяснить этим шустрым мальчишкам. Она записала сразу всех желающих учиться. Занятия в классе приходилось вести одновременно с четырьмя группами: один ряд парт занимали ученики первого класса, другой ряд—второго и так далее до четвёртого.

Постепенно Мария Васильевна освоилась, привязалась к детям, но чувство неуверенности не проходило. Как-то она не смогла объяснить правила деления многозначных чисел. Дети долго не понимали её объяснений. Пришлось ей бежать за пять вёрст, в соседнюю деревню, к старому, опытному учителю и просить его о помощи.

В 1902 году Мария Васильевна переехала в Москву учиться на педагогических курсах.

* * *

Работа учителя — большой, напряжённый, но благодарный и радостный труд. Если дети быстро и хорошо усвоили урок, если лежит перед учителем стопка чистых тетрадей со старательно выведенными круглыми буквами, без ошибок в трудных словах, если вышел ученик в люди, его хвалят, о нём говорят и пишут,—учитель счастлив, он видит плоды своего труда.

Мария Васильевна вспоминает свою работу в первые годы после революции. Время было трудное. День начинался с того, что нужно было самой подготовить школу к занятиям: прибрать классы и вытопить печи. Мария Васильевна выдержала и это. Она не пыталась искать более лёгкой работы.

Потом наступили дни спокойной, благотворной работы в чистой, благоустроенной школе, которую не нужно было самой отапливать и убирать. Отпуск Мария Васильевна проводила обычно в подмосковном доме отдыха: она не любила длинных путешествий. В одном из домов отдыха Мария Васильевна познакомилась с пожилым человеком с окладистой бородой. Он оказался председателем сельсовета из деревни Сёмкино, Рязанской области. Мария Васильевна даже всплеснула руками—«Сёмкино?!» Ведь она была учительницей в сёмкинской школе сорок восемь лет назад. Это были первые годы её учительства! Тогда от неожиданности всплеснул руками старик. «Мария Васильевна, голубушка, да ведь я ваш ученик! Неужели не помните Петьку Возова?»

Мария Васильевна вспомнила вихрастого, долговязого мальчика, такого длинного, что когда она повела его на экзамен, в земстве шутили: «Малютина жениха привела».

Глядя на старого человека, бывшего когда-то её учеником, Мария Васильевна в первый раз подумала о том, сколько лет отдала она любимому делу и сколько вообще лет уже прожито...

Когда в 1941 году началась война, в школе, где преподавала Мария Васильевна, был устроен госпиталь. Учительница пришла в Наркомпрос просить работу в какой-нибудь другой школе. «Вы бы отдохнули, теперь время тяжёлое. Обстановка военная, с топливом трудно будет...» Вот что сказали ей в Наркомпросе. Но Мария Васильевна ответила, что старые тоже выдержат. У них есть опыт, есть знания.

И Мария Васильевна добилась назначения в другую школу. Она учила детей в бомбоубежище, где зимой иногда даже замерзали чернила.

* * *

Когда в газетах был напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении учителей, Мария Васильевна получила много писем от своих бывших учеников. Ей писали фронтовики, геологи, студенты, люди самых разнообразных профессий.

«Когда я прочитал в газете Указ, то сразу, с абсолютной уверенностью, стал искать вашу фамилию, дорогая Мария Васильевна. Уж я-то, как один из множества ваших учеников, знаю, как вы заслужили эту награду»,— пишет ей с фронта А. Вартанов.

«Я счастлив и горд, что такая знатная учительница обучала меня»,— пишет ей другой фронтовик Николай Митрофанов.

«Как хорошо, что в нашей стране так поднят и оценён самоотверженный труд педагога! Ведь любая профессия не может обойтись без вас, дорогая Мария Васильевна. Вы начинаете наше образование и воспитание, потом передаёте нас в опытные, умелые руки других педагогов и так без конца. В школе, техникуме, университете и здесь, в артиллерийском училище, где учусь сейчас я, всю сознательную жизнь сопутствуют и наставляют нас слово педагога, его знания, талант, его время и силы — всё, что безраздельно отдано и принадлежит нам. В нашем училище все очень обрадовались, прочитав Указ Президиума Верховного Совета СССР. Все сегодня вспоминают с любовью своих учителей, а я—вас, милая Мария Васильевна...»—пишет будущий артиллерист, так витиевато расписавшийся в конце сложенного треугольником письма, что Мария Васильевна так и не разобрала его фамилию.

Мария Васильевна ответила сразу на все письма по радио. Она благодарила своих учеников не только за добрую память и поздравления. Она благодарила их за то, что они так любят свою родину и так мужественно её защищают. «Если в этом есть хоть капля моей заслуги,— я вознаграждена за весь свой многолетний труд»,— говорила, обращаясь к тысячам людей, бывших когда-то её учениками, старейшая учительница Москвы.

* * *

Снова прозвучал звонок. И через несколько минут мы слышим из-за двери, в которую только что прошла Мария Васильевна, её приятный, не по возрасту звонкий голос: «... «топ, топ, топ»,— топочет топор. Так и запомните, пишется: «топор», а не «тапор», «лоп, лоп, лоп»,—лопочет лопата, врезаясь в землю. Значит, как нужно писать, Владик?..»

И снова тихо в широких, светлых коридорах 135-й школы Советского района столицы. За партами, в чистых просторных классах сидят сотни притихших мальчиков — молодые граждане Советского Союза.

Ученики 3-го класса поздравляют свою учительницу Марию Васильевну Малютину с высокой наградой.

Фото С. Фридлянда

Школьники на физкультурной зарядке.

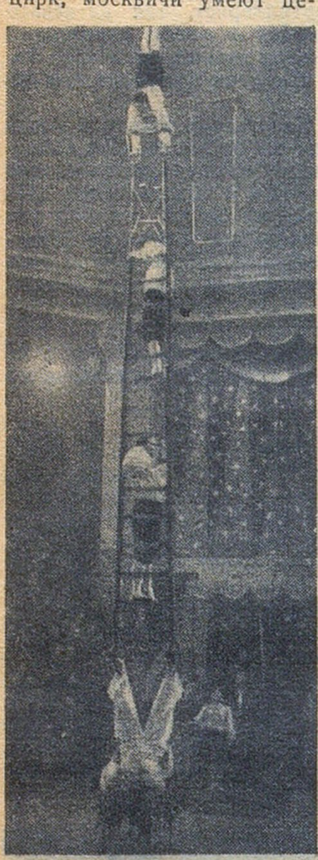
Фото Г. Петрусова

Литература и искусство

ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕЗОН МОСКОВСКОГО ЦИРКА

Приближается двадцатипятилетний юбилей советского цирка. Эта знаменательная дата отмечается в годы войны, когда несмотря на труднейшие условия цирковое искусство в нашей стране неуклонно развивается. Артисты цирка продемонстрировали свои достижения во время прошлогоднего творческого смотра новых номеров и аттракционов, созданных ими в дни войны. О дальнейшем росте профессионального мастерства можно судить и по программам текущего зимнего сезона.

Москва издавна любит цирк, москвичи умеют ценить бесстрашие воздушных гимнастов, ловкость акробатов и жонглёров, весёлую шутку клоуна, строгий стиль традиционных конных номеров, умелую дрессировку. Все эти жанры представлены в программах юбилейного сезона.

Акробатические номера в исполнении артистов Милаевых.

На смену артистам из коллектива, руководимого талантливым дрессировщиком Вл. Дуровым, приехали новые мастера циркового искусства. На афишах, выпущенных к новому представлению, смело можно было бы написать «рекорды советского цирка»: это вполне определяло бы исключительно высокий уровень работы большинства участников программы.

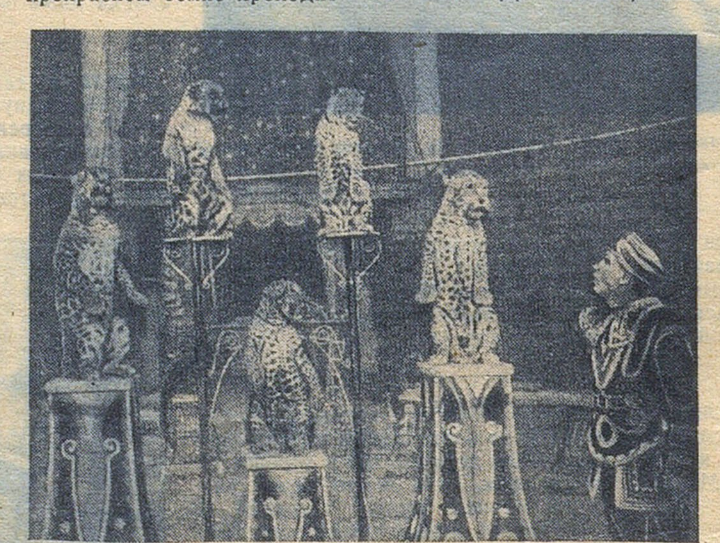
Гвоздь программы — выступление дрессировщика А. Александрова. В его труппе шесть леопардов и одна чёрная пантера. Эти хищники особенно трудно поддаются дрессировке. Александров достиг очень больших результатов,— леопарды послушно выполняют все его приказания: прыгают сквозь кольца, делают пирамиды, стойки, с необычайной ловкостью и быстротой взбираются на шест. Александров и сейчас, когда хищники уже подчиняются его воле, в любой момент готов отразить их нападение, как ему уже это приходилось неоднократно делать. Год назад дрессировщик получил ещё одного представителя хищников — чёрную пантеру. И этот грациозный и красивый зверь, названный «Угольком», с трудом поддаётся приручению. Не раз Уголёк нападал на дрессировщика, применяя самые разнообразные приёмы. И только большое искусство и настороженность Александрова спасали его от серьёзнейших неприятностей. Сейчас, во всяком случае, на манеже стала послушной и пантера: она уже делает первые несложные трюки, постепенно привыкая и к своему смелому укротителю и к атмосфере циркового представления.

Всяческих похвал заслуживает работа на перекрёстных турниках группы гимнастов Копытиных. Они демонстрируют исключительную ловкость и тренировку в чередовании и постепенном нарастании труднейших трюков. В этой группе с удивительной мягкостью и юмором выступает прекрасный гимнаст Г. Кириллов, проделывающий очень сложные упражнения с той лёгкостью и непринуждённостью, которые свидетельствуют о высоком классе его подготовки.

В первый раз на манеже Московского цирка показывает своё искусство группа артистов Милаевых, выступающих с першами (шестами). И они сумели разнообразить свои традиционные трюки оригинальными приёмами: Милаев одновременно держит перши на лбу и на плече, и верхний артист, взобравшись на один из них, переходит затем в воздухе с перша на перш. Милаевы образуют высокую колонну, составляемую из трёх акробатов, стоящих с першами один на другом. Прекрасная работа этих артистов проходит с большим успехом, вызывая заслуженные аплодисменты зрителей.

Интересен номер эквилибриста М. Егорова, построившего своё выступление на трюках, которые он выполняет, стоя на одной или двух руках.

В программе много других хороших номеров. Отлично работает воздушная гимнастка Р. Немчинская, в прекрасном темпе проходит выступление жокеев братьев Манжелли, эффектен номер силовых акробатов Сокол. С большой лёгкостью работает группа акробатов с подкидными досками, руководимая Беляковым. Канатоходцы Тарасовы показывают много интересных сольных и групповых трюков, делая их в лучших традициях классического цирка.

Выступление дрессировщика А. Александрова с группой леопардов.

Фото С. Фридлянда

В новой программе клоунада представлена старой, очень смешной сценкой «На даче», исполняемой артистами Н. Лавровым, А. Дубино и А. Менжинским, поставленной Д. Альперовым.

Вместо Каран д'Аша, гастролирующего в Ленинграде, выступает Алёша Сергеев. Он великолепно владеет всеми цирковыми жанрами, умело пародирует работу артистов. Но он ещё не нашёл собственной маски, его костюм и грим «под Чаплина» явно суживают творческие возможности способного клоуна.

Новая программа (постановка Ю. Юрского и А. Арнольда) с большим вкусом оформлена художником В. Рындиным. Очень приятное впечатление оставляет музыкальное сопровождение всех номеров, подобранное при консультации композитора Арама Хачатуряна из произведений классиков.

Представление в Московском цирке проходит с большим успехом, и артисты вполне заслужили его!

* * *

В десяти ведущих цирках сейчас проходит подготовка новых номеров и аттракционов.

В конце февраля на манеже Московского цирка зрители столицы во второй раз за время войны увидят новые достижения во всех жанрах циркового искусства.

Этот творческий смотр обещает быть исключительно интересным и разнообразным. Всего будет показано свыше тридцати новых номеров, свидетельствующих о неуклонном росте и развитии циркового искусства в нашей стране.

Мих. Долгополов

СТО ЛЕТ БАЛЕТА «ЖИЗЕЛЬ»

Сто лет назад Большой театр впервые поставил на своей сцене балет «Жизель». И музыка композитора Адама, и либретто поэта Теофиля Готье, и постановка балетмейстера Перро оказались столь изящными и захватывающими, что балет «Жизель», выдержав «проверку временем», прочно вошёл в классический балетный репертуар и в течение столетия оставался любимым балетом и артистов и публики. Ныне, к столетию «Жизели», Большой театр возобновил этот балет (балетмейстер—Лавровский) почти без изменения.

Несмотря на сказочность сюжета балет отличается большой драматической насыщенностью; в этой хореографической драме звучат социальные мотивы: любовная трагедия развёртывается на фоне классовых противоречий феодального общества.

Возобновлённый балет «Жизель» исполняется лучшими артистами Большого театра. Роль Жизели с исключительной лиричностью и артистичностью исполняла народная артистка республики Галина Уланова. Прекрасен образ Жизели, созданный другой исполнительницей этой роли— заслуженной артисткой республики Мариной Семёновой. Правдиво и мягко роль Альбера играют народный артист БССР Ермолаев и заслуженный артист РСФСР Габович. Па-де-де в первом акте с большим мастерством и блеском исполнили заслуженные артисты республики Суламифь и Асаф Мессерер.

Много обаяния у исполнительниц роли Мирты — Плисецкой и Черкасовой. Художник спектакля — Б. Волков. Дирижёр — Ю. Файер.

Большой театр, возобновивший в условиях войны этот балет исключительно тонкой культуры, сделал москвичам прекрасный подарок.

М. Михайлов

Народная артистка республики Галина Уланова в роли Жизели.

Фото А. Воротынского

«Мадемуазель Нитуш» в театре имени Вахтангова. Сцена из 1-го акта.
Фото Е. Игнатович и Е. Тиханова. (ТАСС)

СПЕКТАКЛЬ МОЛОДЫХ

(«Мадемуазель Нитуш» в театре имени Вахтангова)

На смотре фронтовых театров особо было отмечено появление артистов фронтового филиала театра им. Вахтангова, блеснувших своим талантом и мастерством. Они показали себя настолько подготовленными и взыскательными художниками, что по праву могут во многих случаях занять ведущее положение в наших театрах. Выдвижение новых актёров проходит и на основной сцене вахтанговского театра. Его премьера «Мадемуазель Нитуш» Эрве приятна ещё и потому, что в ней мы впервые знакомимся с молодыми актёрами, очень даровитой сменой в театре,

Артистка Г. Пашкова в роли Денизы.

Спектакль начинается уроком, который даёт воспитанницам пансиона «Небесных ласточек» органист Флоридор. Опоздавшая Дениза, расталкивая своих подруг, становится среди них. Эта весёлая и красивая девушка, то подражая пению соловья, то передразнивая свою начальницу, сразу же вызывает всеобщую симпатию воспитанниц. Жить полноценно и радостно! Вот единственное её желание. Именно это желание горит в ней, когда она весело распевает с Флоридором дуэт из его оперетты «О королеве и оловянном гренадере». Она шутит над учителем, путает ноты и, наконец, умоляет его

Артистка Е. Понсова в роли начальницы пансиона.

взять её в театр на премьеру новой оперетты. Воспитанница чопорного пансиона Дениза втайне мечтает о театре, в котором она ни разу не была.

В тот момент, когда Дениза попала на премьеру спектакля, примадонна оперетты обиделась и не желает выступать. Администрация в панике, но её выручает Дениза. Она знает эту роль. Как много раздумий, желаний и решимости заключено в том, как она молитвенно складывает руки, прежде чем броситься на сцену!

Кончается спектакль всеобщим благополучием.

Роль Денизы отлично играет Г. Пашкова. Внешне эта девушка с белокурыми волосами очень скромна и благопристойна, но под этой внешностью скрыто столько жизнерадостности, лукавства и жизнедеятельности, что все действующие лица оперетты и публика невольно подпадают под её влияние.

Рядом с Денизой настоятельница монастырского пансиона (артистка Е. Понсова). Особый ритм походки, талия, стянутая в рюмочку, пышная рыжая причёска — всё это дисгармонирует с её постоянными разговорами о благопристойности и благовоспитанности.

Ярко и темпераментно спектакль поставлен режиссёром Р. Симоновым и оформлен Н. Акимовым.

Молодёжь театра показала весёлый и увлекательный спектакль.

Ю. Дмитриев

Литература и искусство

ЛАТЫШСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Мы мало знаем латышскую песню. Она почти не появлялась в русском переводе. Возможно, в силу того, что латышская фольклористика молода. Вот почему следует отметить небольшое собрание песен (около тысячи строк), изданное Гослитиздатом в переводе Андрея Глобы. В эту книжечку, любовно подобранную латышским поэтом Я. Судрабкалнсом и названную «Дайни», включена лишь незначительная часть песен. Однако они особо ценны тем, что выражают отношение латышского народа к немцам, сложившееся в веках.

Латышская песня нежна и лирична, когда говорит о любви к природе, к родной земле. В ней воспевается труд, воздаётся хвала добродетели, осуждается порок. Эти песни искрятся фантазией, расцвечены богатством красок.

Песни печальны, когда говорят о сиротской доле ребёнка, потерявшего мать и отца, и о горемычном народе с его подъярёмным существованием. Они скорбны, когда говорят о братце или о милом, угнанном в немецкую неволю.

Но песня наполняется гневом и едкой сатирой, едва лишь упоминаются в ней зло и несправедливость или носитель зла и рабства — немец.

Не раз на протяжении семи веков немецкие хищники вторгались в страну. «Немец непрошеный, немец незваный» оседал на латышской земле, повергая народ в крепостное рабство. С тех пор поместье-мыза стала прообразом ада, труд на барина-немца — адским мученьем.

«В море рожь на синем камне чёрная змея молола», — такой образ немецкого барина даётся в одной из песен.

Немца ни бог, ни чорт не возьмут, повиснет он между небом и адом вместе со своими старостой и надсмотрщиками. Немец — чорт, волк, паук, обжора — иных эпитетов для немца нет в латышской песне.

Народ воздаёт хвалу сынам своим, которые восстают против немца и идут на бой за родину: «Бранным подвигом докажем ей сыновнюю любовь, честь отчизны и свободу купим кровью мы своей». И в этой борьбе латышский народ не одинок, он призывает русский народ на помощь. С русским латыша связывают братская дружба и любовь. Девушка поёт: «Русскому я стану жёнкой...» Парень поёт: «Сестрица русской стала», то есть вышла замуж за русского.

В Великой отечественной войне ещё более окрепла любовь народов к свободе и независимости, самоотверженность в борьбе с немецкими насильниками. Вместе со всем советским народом латыши участвуют в великих битвах, истребляют немецко-фашистских грабителей.

Тщетны попытки немцев отнять у народов их культуру, их песню, их право на существование. Песня жива в памяти народа. И она будет жить.

А. Деев

СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ Р. М. ГЛИЭРА

Крупнейший советский композитор, председатель союза советских композиторов народный артист СССР Р. М. Глиэр пользуется заслуженной известностью.

В области симфонизма им созданы замечательные, монументальные произведения, отмеченные глубиной мысли, богатством музыкального языка. Творчество Р. Глиэра очень разнообразно. Им написаны три симфонии, из которых одна — «Илья Муромец» — выражает духовное благородство и могущество русского народа; много камерно-инструментальных произведений, симфонических поэм, произведения для духового оркестра и большое количество проникновенных лирических романсов.

Р. Глиэр известен как автор первой азербайджанской оперы «Шах-Сенем» и узбекской музыкальной драмы «Гюльсара». Им создан первый советский балет «Красный мак», шедший на протяжении многих лет на всех крупных сценах Советского Союза. В настоящее время «Красный мак» в новой постановке с большим успехом идёт в Америке.

В дни Великой отечественной войны Р. Глиэр работал много и плодотворно. Им написан IV струнный квартет, симфоническая увертюра «Дружба народов», в которой с высоким профессиональным мастерством широко использован народный мелос, много военных песен и маршей, опера «Рашель» по мотивам новеллы Мопассана «Мадемуазель Фифи», столь редкий в музыкальной практике концерт для голоса с оркестром.

Пожелаем славному юбиляру и в дальнейшем больших творческих достижений.

ЭКСПОНАТЫ ПОТРЯСАЮЩЕЙ СИЛЫ

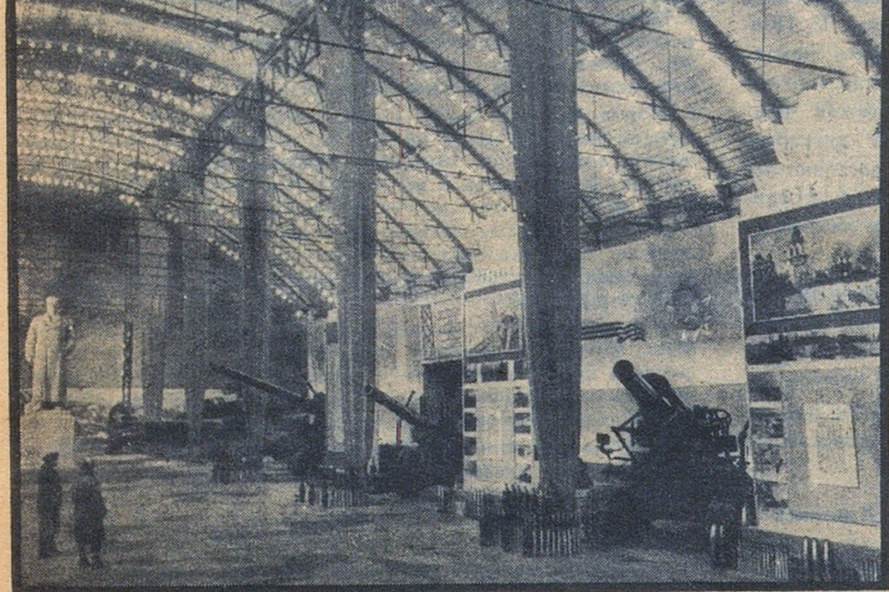
Николай Воронов

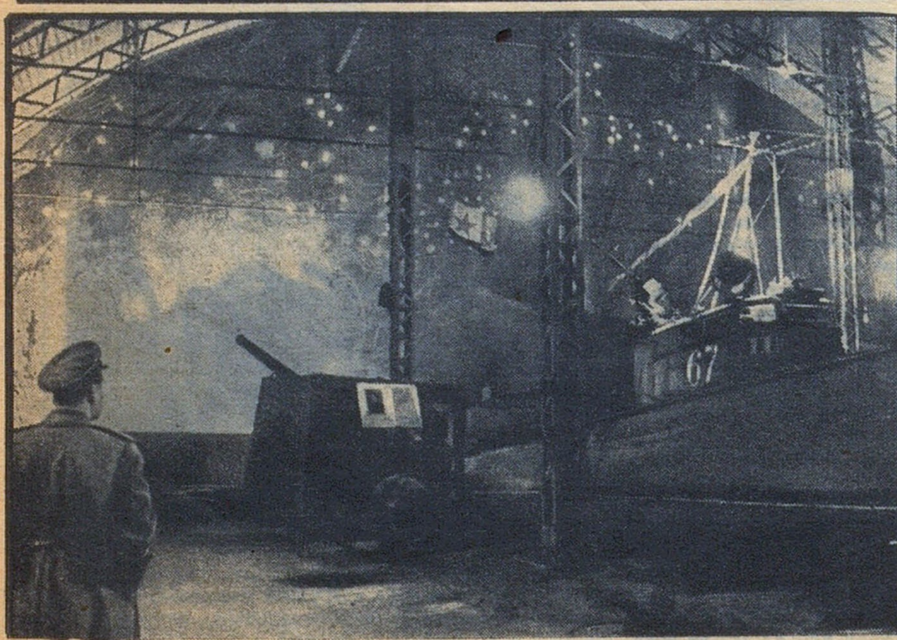
Прошло более полугода с момента открытия выставки «Героическая оборона Ленинграда». 225 тысяч человек побывали за это время в её просторных залах. Перед ними раскрывалась картина героической борьбы ленинградцев, борьбы, увенчанной победой. Воспитательное значение выставки — этого памятника героической эпопеи — велико.

Сейчас Ленинград уже стал тыловым городом и состав посетителей выставки расширился. Её посещают не только ленинградцы, но и москвичи, сталинградцы, горьковчане, ярославцы, жители Одессы и даже далёкой северной Воркуты. В книге посетителей хранятся многочисленные восторженные отзывы иностранцев — представителей почти всех стран мира: Англии, Америки, Франции, Китая, Чехословакии, Югославии, Египта, Индии...

Работа по пополнению и расширению выставки продолжается и после её открытия. Недавно ленинградцы увидели новый отдел, новые, оставляющие неизгладимое впечатление экспонаты.

Из зала «Апофеоз» и зала «Краснознамённый Балтийский флот» мы входим в новый отдел, показывающий работу инженерных войск Ленинградского фронта. Здесь собраны все виды минно-подрывной и сапёрной техники: искусно сделанные макеты подземных командных пунктов и системы электропрепятствий; две огромные диорамы, изображающие действия минёров и сапёров, передний край обороны Ленинграда, и т. д.

На выставке «Героическая оборона Ленинграда». Вверху: апофеозный зал «Разгром немцев под Ленинградом»; внизу: уголок зала Краснознамённого Балтийского флота. «Салют на Неве в день освобождения Ленинграда от блокады».

Фото Р. Мазелева и В. Федосеева (ТАСС)

В центре зала, на постаменте, стоят шесть маленьких диорам различных видов военно-инженерных работ. Но наиболее сильное впечатление производят сравнительные таблицы, наглядно показывающие масштабы технического обеспечения ленинградской обороны. На ближних и дальних подступах к городу было выстроено 55 428 дотов и дзотов. Если поставить их в ряд, то их протяжённость будет равна расстоянию от Ленинграда до Москвы. Длина построенных и отремонтированных дорог достигает 3353 километров, т. е. равна расстоянию от Ленинграда до Ташкента. Построенные и отремонтированные понтонные мосты могут соединить через Финский залив Таллин и полуостров Ханко. От Ленинграда до Сахалина протянулась бы в ряд линия противотанковых рвов, траншей, ходов сообщений и эскарпов. Их общая протяжённость — 7360 километров. Линия проволочных заграждений и электропрепятствий протянулась бы от Ленинграда до Тбилиси. На освобождённой от врага земле Ленинградской области разминирована в одиннадцать раз бо́льшая площадь, чем территория Нью-Йорка.

Выставка пополнилась новыми документальными экспонатами потрясающей силы. В одном из залов установлены электрифицированные карты и диаграммы вражеских бомбардировок и артиллерийских обстрелов Ленинграда. 4638 фугасных, 10 252 зажигательных авиабомбы и 148 478 тяжёлых артиллерийских снарядов обрушили немецко-фашистские варвары на мирные кварталы Ленинграда.

Местная противовоздушная оборона города изо дня в день отмечала на картах попадания вражеских снарядов и бомб. Для выставки эти данные обобщены ввиде карт, охватывающих полугодовые отрезки времени. Большие кружки означают 500 попаданий в один участок, или объект, кружки поменьше—100, 50 и 10 попаданий. Кружки красного цвета отмечают поражения артиллерийскими снарядами, синего — фугасными и жёлтого — зажигательными авиабомбами.

Сначала немцы пытались сжечь и разрушить город. На карте первого полугодия три четверти территории города покрыты жёлтыми кружками, обильно прослоёнными красными и синими. На второй карте больше всего кружков, означающих поражение артиллерийским огнём. Жёлтых кружков нет совершенно: ставка немцев на поджог города оказалась битой. Тут же экспонирована и подлинная немецкая карта целеуказаний, на которой заштриховано более 700 объектов. Сравнение с нею карт ЛПВО показывает, что уже с третьего полугодия немцы отказались от планомерного обстрела и стали вести беспорядочный огонь по всей площади города, рассчитанный на поражение мирного населения Ленинграда и его жилищ. Красные кружки густо покрывают наиболее людные улицы и трамвайные остановки (их, подобно позициям войск, приходилось в дни блокады неоднократно переносить на новые места).

Общий итог варварских обстрелов и бомбёжек за время блокады подводит большая центральная карта. Она густо, почти сплошь, покрыта кружками, и на ней большие кружки означают уже не пятьсот, а две тысячи попаданий.

Диаграммы показывают количество дней и продолжительность обстрелов по месяцам. В такие месяцы, как октябрь и ноябрь 1941 года и август 1943 года, снаряды и бомбы рушились на город ежедневно, без перерыва. Самым «спокойным» месяцем был июнь 1943 года, когда в течение 10 дней не было бомбёжек и обстрелов. Среднесуточная продолжительность обстрелов и бомбёжек достигала в ноябре 1941 года 9 часов 13 минут, а в июле 1943 года — 9 часов 14 минут. Иногда обстрелы длились почти круглые сутки.

И всё-таки Ленинград выстоял, победил!

Подолгу стоят посетители около этих экспонатов. Они оглядываются на суровый путь, пройденный ленинградцами, и с новой силой, углублённо, воспринимают всю величественную картину героической ленинградской эпопеи.

Ленинград.

Из прошлого

ВЫДАЮЩИЙСЯ МЕТАЛЛУРГ

Семьдесят пять лет назад умер один из основоположников производства русской стали, горный инженер полковник Павел Матвеевич Обухов (1820—1869 годы).

Начатые ещё в 40-х годах XIX века попытки изготовления артиллерийских орудий из стали в России вначале успеха не имели. Лишь в 1851 году П. М. Обухову впервые удалось получить на Юговском заводе (Урал) тигельную сталь высокого качества. Через три года (1854 год), будучи назначен управляющим Златоустинского оружейного завода, он с успехом применил эту сталь для изготовления клинков и ружейных стволов.

В 1857 году П. М. Обухов был командирован заграницу для изучения на месте производства стальных орудий. По возвращении из командировки он представил тщательно разработанный проект литья стальных орудий в России и получил возможность поставить это дело на Златоустинском заводе.

В 1860 году им была изготовлена первая стальная пушка. 26 ноября того же года она блестяще выдержала испытание 4 тысяч выстрелов. Эта пушка в настоящее время хранится в Ленинградском артиллерийском музее.

Таким образом, с 1860 года началось в России изготовление стальных орудий, не уступавших по качеству немецким орудиям, изготовленным на крупповских заводах. Златоустинский завод был расширен постройкой Князе-Михайловского завода, на котором и было установлено литьё стали по способу, предложенному П. М. Обуховым.

К незаменимым свойствам его стали следует отнести особенную упругость и вязкость. Клинки для шпаг, изготовленные из этой стали, свободно изгибались в кольцо и снова выпрямлялись, не изменяя своей первоначальной прямизны.

В 1861 году полковник П. М. Обухов был назначен начальником Златоустинского горного округа и членом-корреспондентом Артиллерийского комитета. В 1862 году совместно со специалистом по изготовлению высокосортной стали горным инженером Н. П. Путиловым полковник П. М. Обухов положил начало орудийному и сталелитейному заводам на берегу Невы в 12 километрах от Петербурга (Обуховский завод). Как известно, этот завод уже с 70-х годов прошлого столетия занимал первое место в истории развития орудийного дела в России.

Подполковник В. ФЁДОРОВ

ЧИБРИК

Пётр Никитин

(Фронтовая быль)

Рисунок Б. Фридкина

Эскадронный, когда к нему прибыл из госпиталя казак Чибрик, критически оглядел его приземистую, широкую фигуру, в потрёпанной гимнастёрке и в огромнейших штанах с красными лампасами, оглядел, пожал плечами и с удивлением произнёс:

— Впервое наблюдаю человека четырёх измерений, куда ни мерь,— одинаково квадрат какой-то, а не казак.

Эскадронный любил щегольнуть геометрическими терминами и сравнениями: он в гражданстве работал мерщиком при районном землеустроителе.

— Где тебя произвели да откормили этакого четырёхстороннего?

— От роду, товарищ командир,— весело ответил Чибрик, довольный тем, что попал в кавалерийскую часть.

Пехоту казак уважал, любил, но служить хотел в кавалерии. В пехоте и люди хорошие, и оружие прекрасное, и немца бить сподручно, но в пехоте, кроме как в обозе, конского хвоста не увидишь, а казак без коня, что яблоня без цвета.

Эскадронный встал, обошёл вокруг Чибрика и вновь сел за стол, на котором стоял остывший завтрак.

— Из каких мест?

— С Дона, товарищ командир, с верхнедонских хуторов.

— Знаю,— кивнул головой эскадронный, голос его потеплел, взгляд стал мягче.— Постой, это не те Чибриковы, что сазанов мастера на подхват брать? Ну да, ты из них. И рост и ширь такая. А я с Курмояровской. Садись!

Эскадронный искренно обрадовался земляку. Они долго беседовали о родных местах, о станицах и хуторах. Нашлись и общие знакомые. Эскадронный на прощанье выпил с Чибриком последнюю чарку и строго сказал:

— Служи от сердца, замечен будешь. Вперёд не лезь, фигура твоя непропорциональная, геометрически неправильная фигура, выдающаяся. В хвост эскадрона — замыкающим.

Так начал службу казак Чибрик после возвращения из госпиталя. В бою Чибрик смел и стремителен, а на марше сзади — замыкающим. Обидно казаку: дух со всех эскадронных лошадей перенюхал, пыли наглотался вдосталь, колючих замечаний от товарищей наслушался, а ничего не поделаешь — служба.

В минуту грусти совершил Чибрик поступок, в котором вскоре раскаялся. Послал на Дон письмо отцу, старому казаку, георгиевскому кавалеру, посетовал в письме на свои горести и обиды, на свой рост и фигуру незадачливую. Служба, мол, ничего, но ему невтерпёж быть замыкающим и на марше «окромя лошадиных хвостов да хребтин ничего не видеть».

Ответ от Игната Васильевича казак получил обстоятельный и строгий: «Война тебе, сукин сын, не театр и не цирк, чтобы, раскрыв рот, разглядывать, враз пулю словишь. Казачий сказ о военной службе таков: не там хорош, где хочется, а там хорош, где приказывают. Замечаю я в тебе, Федька,— писал дальше отец,— вялость, шатание мыслей и промедление. Войне конец, а где твои отличия? Чем род Чибриковых отмечен? Медаль за Сталинград?! Красная звезда за разведку?! Почёт и уважение. Но с такими отметинами и Нюська Голоштна в станицу вернулась, бают, полсотни казаков раненых спасла. Я её не хаю, упаси бог, но ты мущинского рода и напереди бабы завсегда должон идти. Наша фамилия гордая, военная фамилия. Казаков Чибриковых и Наполеон помнит, и у турка с японцем памятка есть. Мой дед пленил поручика, отец мой приволок капитана, я в прошлую германскую полковника заарканил, а ты что? Тебе доля выпала генерала пленить. Это и приказываю. И тогда на хуторах с Чибриковыми никто вровень не станет. А что рост да фигура у тебя круглая, на то воля божья, от природы это. Всякая тварь на свете свою форму и рост имеет. Соловей, к примеру, мал, не виден, а поёт — заслушаешься. Благословляю тебя, Федька, на геройство».

Мать по-бабски слезу точит, но горда: Федька её — не последний казак.

Третий месяц носит Чибрик отцовское письмо без ответа. А что скажешь, ежели неудача сдружилась с казаком. Прошли Румынию, перевалили Карпаты, на берегах Дуная война идёт, а генерал не пленён. Помельче офицеры попадались, но отца этим не ублаготворишь, ему подай генерала. Чибрик хорошо знал старого казака, упрямого и строптивого.

— Эх, папаня, папаня, и не в курсе вы дел, такое требуете, словно генералы, как груши, в лесу растут, тряхнёшь — и подбирай, Федька,— горестно сетовал Чибрик после каждой неудачи.

Однажды Чибрик ворвался в городок. Стрельба. Казак не зевает, там рубанёт, тут выстрелит, воюет, но о генерале помнит. Высматривает. За кирпичной стеной что-то стукнуло. Чибрик глянул с коня: «Боже, генерал!» В саду, под забором, сидел пожилой человек в шитой золотом шинели. Увидев казака, он побежал в соседний двор. Чибрик так пришпорил серого коня, что тот с места перемахнул кирпичную кладку. Казак за генералом, генерал от казака, бегает по дворам. Чибрик спешился, а генерала не поймает, шустрый и вёрткий попался. Но Чибрик упрям. Помог случай: генерал оступился, тут его и накрыл казак, как накрывают станичные мальцы куропаток, стряхнул с генеральской шинели пыль, шинель распахнулась... и Чибрик увидел расшитый золотом китель швейцара. Вышел конфуз: гонялся за генералом, а поймал швейцара местной гостиницы; форма ему, золотом шитая, с аксельбантами, по штату положена. Когда Чибрик рассказал эту историю эскадронному, тот посмеялся, а товарищи дали Чибрику кличку «швейцарец». Слово не обидное, но в устах того, кто знает историю с поимкой швейцара, оно звучит насмешливо и обидно. А всему виной отец: подай ему генерала! Это же не подкова, на дороге не найдёшь! Да разве все злоключения известны эскадрону!

Чибрик помалкивает о том, что случилось в последнем бою. Он первым вскочил в пустое помещение немецкого штаба. Из комнаты выбежала пожилая женщина, растрёпанная, неряшливо одетая. Чибрик осмотрел дом — и на улицу. Хозяйка за ним. Бой окончен, женщина не отстаёт от Чибрика. Казак расспрашивает её, она молчит, неразговорчивая. Боем, видать, напуганная. Навстречу партизаны. Увидели женщину, пистолеты наставили и раздевают. «Фашист,— кричат,— фашист!» Чибрик возмутился и к партизанскому начальнику: так, мол, и так, может, она и фашистка, но на улице оголять бабу не резон. Пока объяснялся, женщину раздели, подвели к Чибрику, казак посмотрел и уже не сомневался, что перед ним переодетый немец. Это был адъютант генерала, сам генерал за минуту до этого скрылся из штаба, пока Чибрик по дому шарил да с «женщиной» разговаривал. Истомился казак, похудел, но молчит, терпит.

Сегодня упросил эскадронного в разведку сходить, может, потрафит в немецкий штаб пробраться либо на дороге генеральскую машину перехватить. Пробрался в тыл, двое суток случай не подвёртывался, а на третьи — остановил с товарищами легковую машину. Шофер и немецкий офицер убиты, в машине никого. Трофеи: портфель да пачка карт. Чибрик мрачен, вернулся молча, лёг и решил — отдохнёт и напишет отцу: так, мол и так, освободи ты меня от отцовского наказа, а то либо головы лишусь либо истоскуюсь... С этими мыслями и заснул. Казака поднял эскадронный, лицо радостное, довольное, к себе пригласил, угостил чаркой водки и сказал ничего не понимающему казаку:

— Ну, земляк, отличился: бумаги-то важные, трёх генералов стоят.

— Трёх? — переспросил Чибрик.

— Ну, да! Пленный генерал либо скажет либо нет, а скажет — дело тёмное, и наврать может, а бумаги всё рассказали. К награде тебя представили, полковым знаменосцем определили. Поздравляю! — эскадронный обнял Чибрика.

Колючие, рыжие усы приникли к щеке казака. Спать Чибрик уже не мог. Он писал на Дон, отцу Игнату Васильевичу:

«Папаня, так и считай, Фёдор Чибрик, твой единоутробный сын, трёх генералов захватил, сам эскадронный письмо тебе послал, не уронил я своей фамилии, к ордену представлен, знамя полк охранять доверил. О фигуре теперь беспокойства нет, всякая фигура для войны приспособлена».

Чибрик распрямил спину, откинулся на стул, положил карандаш и задумался: «Получит старый казак письмо, по соседям пройдёт, на колхозном собрании зачитает, ёкнет сердечко у Нюры Калашниковой, зардеется, а вечерком к сестрёнке моей сходит, выспросит, что и как». Чибрик от этаких мыслей зажмурился, на сердце у него стало легко, свободно. Вздохнул он, встал и, оборачиваясь назад к товарищам, сказал:

— А правда, браты, хорошо бы на Дон, морозным утречком сазана на подхват взять. Жирные они, откормились за лето.

Но ему никто не ответил: все спали. Чибрик осторожно потушил свет, стараясь не шуметь, опустился на солому, мысли казака были далеко от полей Венгрии, они бродили у родных околиц донской станицы.

«Женщину» подвели к Чибрику...

Юмор

ПОЛКИ МУ-МУ

Осип Колычев

— Что есть у нас впротивовес,—
Спросил Адольф, — войскам
России?
Полки СД? Полки СС?
— Полки Му-Му...
Глухонемые... —
Ответил Гиммлер.

— О, зер гут!
«Сдаёмся в плен!» они не
крикнут.
Не скажут: «Гитлеру — капут!»
И, вообще, они не пикнут.

Как бессловесный, глупый скот,
Полки Му-Му на фронт погнали.
Орал эсэсовец: «Вперёд!
Н-но, пошевеливай, канальи!»

Но там, у «грозных» прусских
стен,
При встрече с русскими
войсками,
О страстной жажде сдаться в
плен
Они поведали... руками.

Узнав, Адольф воскликнул: «Фу!
Знать, не спасут дела дрянные
Полки Му-Му, полки Тьфу-Тьфу
И всякие полки иные!»

СПОРТ

НА КОНЬКАХ И НА ЛЫЖАХ

Первые состязания московских конькобежцев в 1945 году состоялись на приз газеты «Красный спорт». Они увенчались крупным событием за годы войны. Владимир Прошин пробежал дистанцию 500 метров за 45,1 секунды! Такого результата не показал даже рекордсмен страны Кудрявцев. Прошин выиграл также и вторую дистанцию — «открытие сезона», 3 тысячи метров,— с хорошим для начала сезона результатом—5 минут 13,8 секунды.

У женщин борьба за первое место произошла между абсолютной чемпионкой СССР Холщевниковой и мировой рекордсменкой Исаковой. Исакова обыграла Холщевникову на двух дистанциях: в беге на 500 метров она выиграла 1,2 секунды, пробежав круг с четвертью за 50,4 секунды. На дистанцию 1500 метров Исакова держит мировой рекорд (2 минуты 37,4 секунды). В паре с Холщевниковой Исакова позволила своей партнёрше начать бег в сильном темпе, а потом легко ушла вперёд. Результат Исаковой для начала сезона, да ещё по тяжёлому льду, был очень высокий — 2 минуты 48,2 секунды. Холщевникова отстала на 7,8 секунды.

Зимний мотокросс имени Чкалова в Москве. Старт у Химкинского речного вокзала.

Фото Н. Волкова

Таким образом, чаша весов в 1945 году склонилась в сторону Прошина и Исаковой, в то время как в прошлом году личное первенство было завоёвано Аникановым и Холщевниковой.

На соревнованиях в Ленинграде снова выдвинулся Николай Петров. Он показал угрожающие для москвичей результаты. После январского матча четырёх городов, происходившего в Свердловске, противники встретятся на 51-м чемпионате страны, который состоится в конце февраля.

Январскую гонку мастеров лыжного искусства выиграл в прошлом году Матюшенков, победив трёхкратного чемпиона страны Василия Смирнова, прекрасного лыжебежца Алексея Добрышина, чемпиона Москвы Ульмаева и одноклубника-динамовца Алексея Иванова.

В этом году в гонке мастеров победу одержал Василий Смирнов. Он прошёл 20-километровую дистанцию за 1 час 19 минут 30 секунд. На один лыжный шаг отстал от победителя Василий Хрящиков, закончивший дистанцию на две секунды позднее. Матюшенков, хотя и пробежал быстрее всех первые 10 километров, за 38 минут 30 секунд, но вынужден был уступить Василию Смирнову 11 секунд.

Нового победителя дала и женская гонка. Зоя Болотова намного превзошла результат победительницы прошлогодней гонки Марии Початовой (55 минут 30 секунд), пройдя 10-километровую дистанцию за 48 минут 25 секунд.

Платон ИППОЛИТОВ,
заслуженный мастер спорта СССР

Известно ли вам...

...что первая русская женщина, обучившаяся летанию на аэроплане и получившая звание «пилота-авиатора» 6 июня 1913 года, была Елена Павловна Самсонова?

...что первыми женщинами в СССР, совершившими прыжок на парашюте автоматического действия, были Кулешова и Гроховская?

...что первый мировой рекорд затяжного прыжка с парашютом для женщин был установлен 11 августа 1934 года русской парашютисткой Бушуевой, пролетевшей 2500 метров с нераскрытым парашютом?

...что первый женский мировой рекорд высотного прыжка без пользования кислородным прибором был установлен 31 марта 1935 года студенткой Ленинградского института физкультуры имени Лесгафта В. Фёдоровой, спрыгнувшей с высоты 6350 метров?

...что первый женский парашютный санитарный кружок в СССР был создан в Москве в 1935 году при фабрике «Трёхгорная мануфактура» из 20 девушек-комсомолок?

...что первой женщиной в России, получившей офицерский чин, была Елена Ивановна Санадова? В 1787 году она командовала ротой, состоявшей из ста женщин.

...что первой европейской женщиной, отправившейся на крайний север Сибири в 1733 году, была жена начальника одного из отрядов экспедиции Беринга Мария Прончишева?

НАУКА И ТЕХНИКА

СОЛНЕЧНЫЕ КАЛОРИИ

Каждый квадратный метр поверхности земли в час получает от солнца 700—750 больших калорий. Этого тепла достаточно, чтобы за год растопить вокруг земли ледяную корку толщиною около тридцати метров... Естественно, что уже очень давно люди стараются использовать солнечное тепло для различных технических целей. Для этого надо решить три задачи: сделать устройство для улавливания солнечных лучей на определённой поверхности, концентрировать их для получения источника интенсивного нагрева и, наконец, запасать солнечную энергию «впрок», чтобы можно было её эксплоатировать в течение круглых суток.

Существует много различных конструкций солнечных котлов. Но зеркало, собирающее солнечные лучи, является общей деталью всех этих устройств. Не следует думать, что солнечные котлы просты. Во многих из них применяется по нескольку жидкостей, циркулирующих по сложной системе труб и отдающих своё тепло, полученное от солнечных лучей. В жарких странах уже имеются установки промышленного типа, в значительной мере работающие на «солнечном двигателе». Но и в Северной Америке за последние годы появились на предприятиях установки, в которых используется «жёлтый уголь» солнца...

В Советском Союзе очень оригинальное устройство «солнечного котла» предложено доктором технических наук Ф. Молеро. Из обыкновенного оконного стекла создаются громадные зеркала, улавливающие солнечные лучи в течение всего года в таких местах, как Средняя Азия. Железо, помещённое в фокусе зеркала, плавится. В большом паровом котле, подогреваемом пламенем «жёлтого угля», температура пара быстро поднимается до 470°. Гелиокотёл доктора технических наук Ф. Молеро устанавливается в Ташкенте на консервном заводе. Пар, полученный за счёт даровой энергии солнца, будет по трубам поступать в очаги, где варятся консервы. Огромным достоинством гелиокотла Молеро является то, что он работает при любой погоде. Пользоваться им, конечно, можно не только в Средней Азии, но и в других местах Союза. Нагрев будет не таким высоким, но для многих предприятий нужна только достаточно тёплая вода...

Дальнейшие усовершенствования «солнечного котла» дадут возможность применить его энергию для приведения в движение электрических генераторов, станков и других машин.

СМЕСЬ

ВИДИМЫЕ ЗВУКОВЫЕ ВОЛНЫ

При благоприятных условиях удаётся видеть звуковые волны. Это бывает при взрывах большой силы, извержениях вулканов, стрельбе из тяжёлых орудий. В таких случаях иногда можно разглядеть волны, разлетающиеся от источника звука ввиде изогнутых светлых и тёмных полос.

Звуковые волны состоят из чередований сгущённого и разреженного воздуха, а сгущённый и разреженный воздух по-разному преломляет свет. Отсюда видимость звуковых волн.

СТРАННОСТЬ ТЕРМОМЕТРА

Ртуть термометра, который вынут из печи, где он показывал 200°, на воздухе сначала поднимается до 250°, а затем начинает спадать.

Эта кажущаяся странность термометра объясняется тем, что ртуть вначале сжимается быстро охлаждающимся стеклом, и поэтому столбик ртути становится длиннее.

КЛАДБИЩЕ «МОА»

В Новой Зеландии, на берегу реки Вангануй, незадолго до войны было обнаружено кладбище гигантских страусов, некогда водившихся в Австралии и Новой Зеландии, но давно вымерших. Сохранились только устные описания этих птиц, которых туземцы называют «моа».

Поиски ископаемых остатков страуса «моа» ведутся в Австралии больше ста лет. Размеры «моа» были огромны: больше шести метров в высоту. Голова по сравнению с туловищем была крошечной, крылья зачаточные, к летанию не приспособленные. Из найденных костей учёные составляют скелеты вымершей птицы.

Отв. редактор — М. ДОБРЫНИН. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А5416. Подписано к печати 3/II—45 г. Изд. № 741. Тираж 100.000. Заказ № 9?

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера

Н. Зубарёва

Исключительно сильный состав московского чемпионата 1944 года (в нём участвовало пять гросмейстеров СССР, восемь мастеров и пять кандидатов в мастера) обещал интересную борьбу за почётное звание чемпиона города. Соревнование двух лидеров турнира — гросмейстера В. Смыслова и мастера В. Рагозина — на протяжении всего турнира носило захватывающий характер. В начале турнира Смыслову удалось оторваться на полочка, затем, до четырнадцатого тура, оба партнёра шли наравне. Бурный финиш Смыслова — он выиграл подряд четыре партии, в том числе у Рагозина и гросмейстера Бондаревского — позволил Смыслову выйти на первое место с перевесом на целых 2 очка. Таким образом, гросмейстер Василий Смыслов — снова шахматный чемпион столицы. Любопытно, что в двух последних чемпионатах Москвы из сыгранных 32 партий Смыслов не проиграл ни одной!

На втором месте остался мастер Рагозин, имеющий 11 очков, затем идёт гросмейстер А. Лилиенталь — 10½, гросмейстер С. Флор — 9½, гросмейстер И. Бондаревский и мастер А. Константинопольский — по 9, мастера В. Панов и В. Симагин — по 8½, Камышов и Поляк — по 8, Загорянский — 7½, Люблинский — 7, Алаторцев — 6½, Фридштейн — 6, Араманович и Верлинский — по 5 и Живцов — 4 очка.

Турнир дал целый ряд высококачественных партий, а также много новинок по теории шахматного дебюта.

ПАРТИЯ № 3

Играна в последнем туре московского шахматного чемпионата

Латышский гамбит

Смыслов (белые)	Камышов (чёрные)
1. e2—e4	e7—e5
2. Kg1—f3	f7—f5

Острое гамбитное продолжение, ясного опровержения которого до сих пор найдено не было. Вряд ли, однако, был смысл избирать это продолжение против Смыслова, который, как известно, является большим мастером ведения атаки в подобных острых позициях.

3. Kf3 : e5	Фd8—f6
4. Ke5—c4	f5 : e4
5. Kb1—c3	Фf6—g6
6. d2—d3	Cf8—b4
7. Cc1—d2!	. . .

До сих пор всё было по книжным, теоретическим вариантам. Последний ход белых, как это ни странно, теоретиками не предусмотрен, а между тем после этого хода преимущество белых становится очевидным.

7. . . .	Cb4 : c3

Если теперь 7 . . . ed, на что и рассчитывали чёрные, то 8. C : d3!, Ф:g2; 9. Фe2+ и затем 10 000 с подавляющей позицией.

8. Cd2 : c3	d7—d5

Трудно указать лучшее за чёрных продолжение.

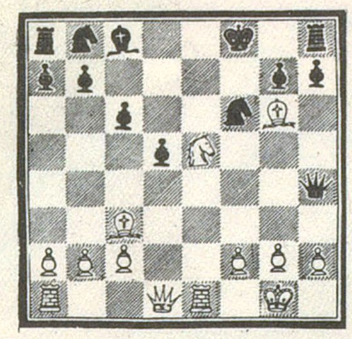
9. Kc4—e5	Фg6—f5
10. d3 : e4	Фf5 : e4+
11. Cf1—e2	. . .

Фигуры белых уже развиты. а у чёрных в игре лишь один ферзь. Нельзя сейчас играть Ф : g2 из-за ответа 12. Cf3.

11. . . .	Kg8—f6
12. 0—0	c7—c6
13. Ce2—h5+	Kpg8—f8

Вынужденно, так как на 13. . . . g6 последует 14. K : g6 и 15. Лe1

14. Лf1—e1	Фe4—h4
15. Ch5—g6!	. . .

Сильнейшее продолжение атаки. У чёрных нет удовлетворительной защиты.

15. . . .	Kb8—a6
16. Фd1—e2	Cc8—h3

Отчаяние!

17. Ke5—f3! Чёрные сдались.

ШАШКИ

Под редакцией мастера

Г. Торчинского

ПАРТИЯ № 2

Играна во всесоюзном тренировочном турнире. Москва, декабрь 1944 года

Капнудель	Городецкий
1. c3—d4	b6—c5
2. d4 : b6	a7 : c5
3. b2—c3	f6—g5
4. g3—f4	. . .

Интересная игра получалась после 4. c3—d4 c5—b4; 2. a3 : c5 d6 : b4 и т. д.

4. . . .	g5—h4

На 4. . . . g7—f6 последовало бы 5. c3—d4 c7—b6; 6. a3—b4 c5 : a3; 7. d4—e5 f6 : d4; 8. e3 : a7 g5 : e3 9. f2 : d4 с преимуществом.

5. c1—b2	. . .

В распоряжении белых имелись два инициативных продолжения:

5. a1—b2 g7—f6; 6. c3—d4 f6—g5 и т. д. или 5. c3—b4 g7—f6; 6. d2—c3 в обоих случаях с хорошей игрой.

5. . . .	g7—f6
6. c3—d4	. . .

Лучше было играть 6. c3—b4 и если f6—g5, то 7. d2—e3, оставляя чёрным единственный правильный ответ 7. . . . h8—g7.

6. . . .	c7—b6
7. b2—c3?	. . .

Этот ход, повидимому, проигрывает партию. Следовало играть 7. d2 — c3.

7. . . .	f8—g7!

Сильный ход, выигрывающий партию.

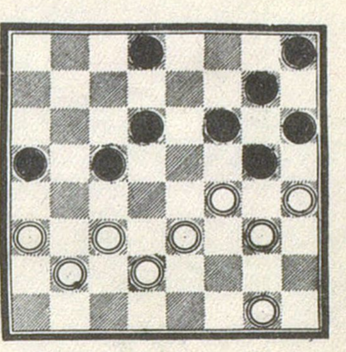
8. a1—b2	. . .

Не спасали и другие продолжения, Сразу проигрывало 8. c3—b4 из-за h4—g3; 9. f2 : h4 f6—g5; 10. h4 : f6 g7 : a5. Если 8. f4—g5 h6:f4; 9. e3 : g5 c5 : c1; 10. g5—h6, то b6—a5; 11. h6 : f8 h8—g7; 12. f8 : h6 f6—g5 и выигрывают.

8. . . .	f6—g5
9. f2—g3	h4 : f2
10. e1 : g3	b8—a7!
11. g3—h4	. . .

Более упорное сопротивление белые могли оказать, играя 11. g1—f2.

11. . . .	e7—f6!
12. h2—g3	b6—a5
13. d4 : b6	a7 : c5
14. c3—d4	. . .

После этого хода чёрные проводят интересную комбинацию. Других ходов у белых нет.

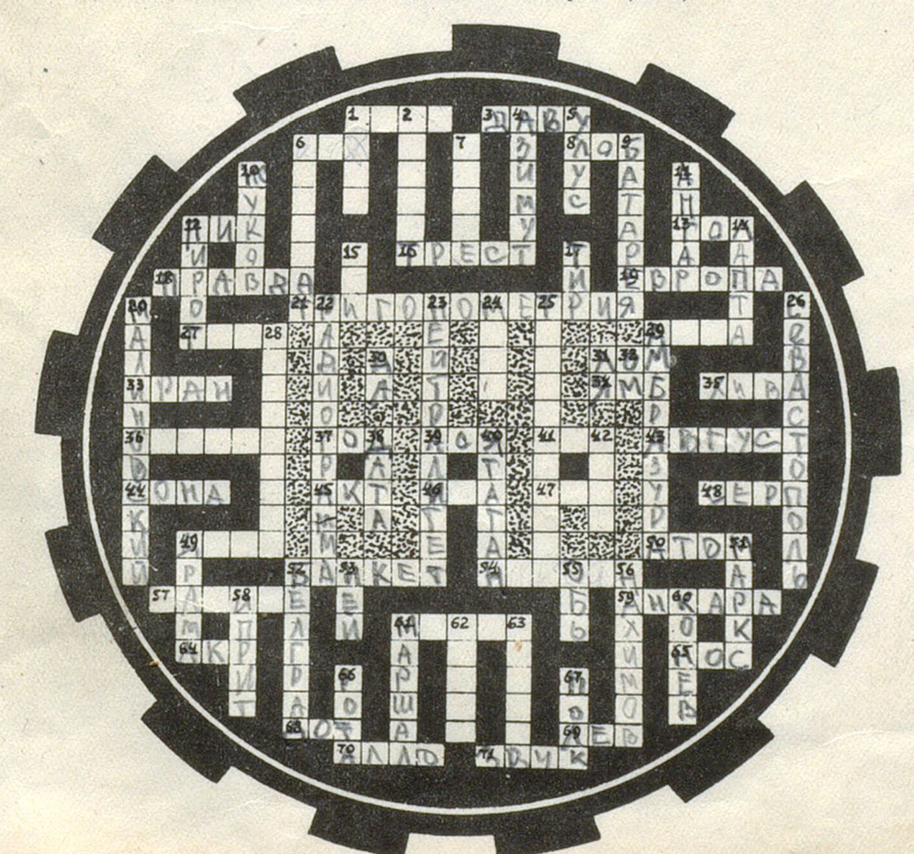
Если 14. g1—h2, то d8—c7; 15. c3—d4 c5—b4! и выигрывают.

14. . . .	a5—b4!!
15. d4 : b6	d6—c5!
16. b6 : d4	d8—c7
17. a3 : c5	c7—d6
18. c5 : e7	f6 : d8
19. h4 : f6	g7 : h4!
20. e3—d4	d8—c7
21. b2—c3	h4—g5
22. f4—e5	g5—d8

Белые сдались.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. Луста (Киев)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Морское животное. 3. Маршал Наполеона I. 6. Персидский царь. 8. Часть лица. 12. Вершина. 13. Спортивный термин. 16. Производственное объединение. 18. Истина. 19. Один из материков. 21. Отрасль математики. 27. Растение. 29. Архитектурное сооружение. 31. Орудие для работ на твёрдом грунте. 33. Государство в Азии. 34. Размер стихосложения. 35. Город в СССР. 36. Город в СССР. 37. Единица летоисчисления. 39. Женское имя. 41. Шахматный термин. 43. Название месяца. 44. Река во Франции. 45. Документ. 46. Дерево. 47. Город в Европе. 48. Сельскохозяйственная принадлежность. 49. Газ. 50. Мельчайшая частица тела. 52. Званый обед или ужин в честь какого-либо лица или события. 54. Минеральный напиток. 57. Военный термин. 59. Столица одного государства. 61. Город в СССР. 64 Земельная мера. 65. Часть лица. 68. Укрепление. 69. Хищный зверь. 70. Восклицание. 71. Человеческая речь.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Часть СССР. 2. Гора в Азии. 4. Угол, дающий направление. 5. Селение кочевников. 6. Геометрическая фигура. 7. Шахматный термин. 9. Артиллерийское подразделение. 10. Маршал Советского Союза. 11. Помещение для самолёта. 12. Кондитерское изделие. 14. Игра. 15. Команда. 17. Помещение для стрельбы. 20. Маршал Советского Союза. 22. Сообщение при помощи скорейшего средства связи. 23. Неучастие в войне. 24. Мифологическое существо. 25. Средство связи. 26. Героический город. 28. Русский генерал, видный участник Отечественной войны 1812 года. 29. Приспособление в доте. 30. Утверждение. 31. Музыкальная нота. 32. Термин из электротехники. 38. Памятный день. 40. Турецкая сабля. 42. Музыкальный термин. 49. Вид театрального зрелища. 51. Гениальный мыслитель и революционер. 52. Столица союзного нам государства. 53. Маршал Наполеона. 55. Река в Сибири. 56. Герой обороны Севастополя. 58. Отравляющее вещество. 60. Маршал Советского Союза. 61. Высшее воинское звание. 62. Река в СССР. 63. Часть Советского Союза. 66. Воинское подразделение. 67. Воинское подразделение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 2—3 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

8. Грибоедов. 9. Роттердам. 10. Архив. 11. Бобр. 14. Долг. 16. Изомеры. 17. Сена. 18. Овёс. 19. Бард. 21. Омск. 22. Код. 23. Алидада. 26. Акт. 27. Мёд. 30. Миф. 32. Самум. 36. Аромат. 38. Африка. 41. Кант. 42. Форт. 43. Рим. 44. Кипр. 45. Быль. 48. Иматра. 51. Планер. 54. Каска. 56. Юла. 59. Бал. 60. Юра. 61. Инвалид. 64 Або. 66. Ирак. 67. Ранг. 68. Араб. 69. Руан. 70. Лауреат. 71. Нора. 73. Икра. 76. Рукав. 78. Биография. 79. Ихтиозавр.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Оранжерея. 2. Герб. 3. Дог. 4. Архимед. 5. Сон. 6. Утро. 7. Фаворский. 11. Брак. 12. Лиса. 13. Дыба. 15. Грот. 18. Ода. 20. Дар. 24. Лист. 25. Дума. 28. Ром. 29. Рур. 31. Мат. 33. Меринос. 34. Рак. 35. Данте 37. Актёр. 39. Факел. 40. Мцыри. 46. Вий. 47. Эра. 49. Туз. 50. Акын. 51. Пари. 52. Ага. 53. Флоренция. 55. Балаклава. 57. Пар. 58. Раб. 60. Юкон. 61. Игла. 62. Абрикос. 63. Дата. 65. Орда. 72. Реал. 74. Крит. 75. Кир. 77. Эхо.

«Горит Восток зарею новой...»

Рисунок К. Елисеева